

340. О. А. БУЗИНА:

Краснов писал¹, что не стоит надеяться на союзников, что эти иллюзии только расслабляют белые войска, что две трети донских казаков «не имеют сносных сапог», а одна треть — вообще их не имеют: «обуты в лапти, даже офицеры». Отказываться в такой ситуации от материальной помощи, предложенной гетманом, глупо. Склады в Украине действительно ломились от шинелей, обуви, боеприпасов и даже касок, оставшихся от бывшей императорской армии. Все это имущество, заготовленное еще в пору Мировой войны, можно было теперь бросить против красных. И если гетман предлагает собрать общий съезд представителей Добровольческой армии, Крыма, где существовало отдельное правительство, Кубани и Дона, то нужно пойти ему навстречу и создать общий политический союз. «Нельзя делить шкуру медведя, не убивши самого медведя, — взывал к Деникину Краснов. — Убить этого медведя каждому из нас порознь трудно, почти невозможно. Надо соединиться».

Но Деникин считал, что только он имеет право на истину. Ему, бывшему выпускнику Киевского пехотного училища, к тому же наполовину поляку по матери, хотелось быть в глазах своего окружения вдвойне русским. Да и психологически бывшему киевскому юнкеру казалась оскорбительной сама мысль о какой-то отдельной, даже полунезависимой Украине в составе белой Российской Федерации. «Протянутые гетманом и атаманом руки, — печально констатировал Краснов, — остались не принятыми».

**3.5. А. И. Деникин — главноком ВСЮР:
гром побед и горечь поражений****3.5.1. «Гром победы раздавайся»****341. А. И. ДЕНИКИН:**

Добровольческая армия к началу 1919 года имела в своем составе: 5 дивизий пехоты, 4 пластунских бригады, 6 конных дивизий, 2 отдельных конных бригады, армейскую группу артиллерии, запасные, технические части и гарнизоны городов. Численность армии прости-

ралась до 40 тысяч штыков и сабель, при 193 орудиях, 621 пулемете, 8 броневых автомобилях, 7 бронепоездах и 29 самолетах... Всех действующих сил мы имели 32–34 тысячи и около 100 орудий, из которых на главном театре сосредоточено было 76 процентов... На фронтах Добровольческой армии в соприкосновении с нами советских войск было около 80 тысяч и грузин — 3–4 тысячи. Когда 26 декабря 1918 года состоялось объединение Добровольческой и Донской армий и театр войны расширился новыми обширными территориями, явилась необходимость выделения Добровольческой армии и создания при мне объединяющего штабного органа. Я принял звание «главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России», прежний армейский штаб стал штабом главнокомандующего, а для Добровольческой армии приступлено было к формированию нового штаба.

Предстоял весьма важный вопрос о назначении командующего Добровольческой армии... Обсудив вместе с начальником штаба вопрос о командующем, остановились на генерале бароне Врангеле. Он был моложе других корпусных командиров и только недавно вступил в ряды Добровольческой армии — это должно было вызвать обиды. Но в последних славных боях на Урупе, Кубани, под Ставрополем он проявил большую энергию, порыв и искусство маневра. Назначение барона Врангеля состоялось. Один из достойных корпусных командиров, первоходник, генерал Казанович благодаря этому ушел в отставку, другие поворчали, но подчинились. Начальником штаба армии стал генерал Юзефович. Ввиду последующего развертывания Крымско-Азовского корпуса в армию войска, подчиненные генералу Врангелю, получили наименование Кавказской Добровольческой армии. Название «добровольческих» армии сохраняли уже только по традиции. Ибо к правильной мобилизации было приступлено в кубанских казачьих частях с весны, а в регулярных — со 2 августа 1918 года. С конца 1918 года институт добровольчества окончательно уходил в область истории, и добровольческие армии Юга становились *народными*, поскольку интеллектуальное преобладание казачьего и служилого офицерского элемента не наложило на них внешне классового отпечатка.

...Казна наша пустовала по-прежнему, и содержание добровольцев поэтому было положительно нищенским. Установленное еще в феврале 1918 года, оно составляло в месяц для солдат (мобилизованных) 30 рублей, для офицеров от прапорщика до главнокомандующего в пределах от 270 до 1 000 рублей. Для того, чтобы представить себе реальную ценность этих цифр, нужно принять во внимание, что прожиточный минимум для рабочего в ноябре 1918 года был определен советом екатеринодарских профессиональных союзов в 660–780 рублей;

Дважды потом, в конце 1918-го и в конце 1919 года, путем крайнего напряжения шкала основного офицерского содержания подымалась, соответственно на 450–3 000 рублей и 700–5000 рублей, никогда не достигая соответствия с быстро растущей дороговизной жизни... От союзников, вопреки установившемуся мнению, мы не получили ни копейки.

Надежды на осуществление плана кампании при поддержке союзных армий давно уже были подорваны, если не совсем потеряны. Приходилось рассчитывать только на русские силы... Передо мною встала дилемма: приводить ли немедленно в исполнение первоначальный план движения главными силами на Царицын и, следовательно, бросить на произвол судьбы Дон и отдать большевикам каменноугольный бассейн... Или, не оставляя царицынского направления, сохранить Донецкий бассейн — этот огромной важности плацдарм будущего нашего наступления, сохранить от окончательного падения и разложения Донское войско. Без малейших колебаний я принял второе решение, и с начала февраля на север потянулись эшелоны Добровольческой армии — в голове Кавказская дивизия генерала Шкуро, за ней 1-я Кубанская дивизия корпуса генерала Покровского, 1-я Терская дивизия и другие части.

...На всем 750-верстном Северном фронте ВСЮР стояло 42–45 тысяч штыков и сабель. В группировке по различным участкам фронта численное соотношение не играло существенной роли ввиду крайне разнообразной боевой ценности войск. В этом отношении Кавказская Добровольческая армия, прикрывавшая Донецкий бассейн, и конные донские дивизии, действовавшие на луганском направлении, представляли из себя тогда наиболее прочную и внушительную силу. Против Северного фронта Вооруженных сил Юга большевики располагали силами в 130–150 тысяч, расположенными в двух главных группах: на царицынском направлении — 10-я армия и на линии Луганск — Волноваха — 8-я, 13-я и большая часть 2-й Украинской армии.

С конца февраля началось жестокое сражение. На всем пространстве между Азовским морем и Донцом перешли в решительное наступление советские армии, в 3–4 раза превосходившие нас численно. В районе между верхним Миусом и Донцом шли встречные бои между 8-й армией и частью 13-й и нашей ударной группой... Волна советских войск, захлестнувшая уже Северную Таврию, заливавшая Донецкий бассейн, спадала опять — разбитая и распыленная. Донское командование использовало умело прочные части для маневра и деятельно вело реорганизацию армии, упраздняя не отвечавшее силам давление на «фронты», «армии», сводя в нор-

мальные части многочисленные отряды — наследие партизанства, ополчения и развала. Очнулись и казаки Верхне-Донского округа, некогда «воткнувшие штыки в землю», подчинившиеся советской власти и погубившие фронт. Восстание там вспыхнуло неожиданно для большевиков, и приняло широкие размеры... Район восстания ширился, и к апрелю у восставших насчитывалось до 30 тысяч бойцов и 6 орудий. У них не хватало оружия и патронов, но зато было мужество отчаяния. Восстание в тылу ставило советское командование в весьма рискованное положение¹. В конце концов, к середине апреля, то есть через полтора месяца после начала наступления советских армий, войска Кавказской Добровольческой и Донской армий стояли на той же линии, сохранив Донецкий каменноугольный бассейн и донской плацдарм.

...Генерал Врангель считал «главнейшим и единственным» направление на Царицын, дающее возможность установить связь с армией адмирала Колчака. С этой целью он предлагал «пожертвовать каменноугольным районом, в котором нам все равно не удержаться...», оттянуть наши части на линию реки Миус — станция Гундоровская с целью прикрытия железной дороги Новочеркасск — Царицын и, воспользовавшись «сокращением (?) фронта на 135 верст», оставить на правом берегу Дона только Донскую армию, а Кавказскую Добровольческую перебросить на царицынское направление, по которому и наступать, прикрываясь Доном. Последствия такого решения представлялись мне и начальнику моего штаба с непрекаемой ясностью. План этот приводил к потере не только каменноугольного бассейна, но и правобережной части Донской области с Ростовом и Новочеркасском, к деморализации Донской армии и к подрыву духа восставших казаков Верхне-Донского округа. Главная масса войск Южного советского фронта (8-я, 9-я, 13-я и 14-я армии) получила бы возможность на плечах донцов форсировать Дон и обрушиться на тыл и сообщения Кавказской Добровольческой армии (Новороссийск — Торговая) или, прикрываясь, в свою очередь, Доном, перекинуться к Волге. Дальнейшее успешное развитие операции к северу от Царицына — армии, линия сообщения которой длиною в 756 верст проходила бы, большей своей частью параллельно фронту и под угрозой противника, — представлялось совершенно неправдоподобным, подвергая армию опасности быть сброшенной фланговым ударом в Волгу. К тому же путь к Царицыну шел, по словам самого генерала Врангеля, через «безлюдную и местами безводную степь», исключавшую возможность местного пополнения и питания.

Мой план был иной. В полном единомыслии с командованием Донской армии я хотел удержать в наших руках Донецкий бассейн

и северную часть Донской области по соображениям моральным (поддержание духа Донского войска и восставших казаков), стратегическим (плацдарм для наступления кратчайшими путями к Москве) и экономическим (уголь). Я считал возможным атаковать или по крайней мере сковать действия четырех большевистских армий севернее Дона и одновременно разбить 10-ю армию на царицынском направлении. А наше победное наступление, отвлекая большие силы и средства советов, тем самым облегчало бы в значительной степени положение прочих белых фронтов. Возможно ли это было? В ближайшее время жизнь ответила утвердительно, ответила разгромом не только 10-й, но и 8-й, 9-й, 13-й и 14-й советских армий.

...10-я советская армия, потеряв за время Манычской операции (22 апреля — 8 мая) одними пленными более 15 тысяч человек, 55 орудий, расстроенная и деморализованная, поспешно отступала на Царицын, преследуемая всеми войсками манычского фронта, получившими название Кавказской армии. Командующим этой армией был назначен генерал Врангель. Войска бывшей Кавказской Добровольческой армии наименованы были Добровольческой армией. Во главе ее стал генерал Май-Маевский... Добровольческая армия, наступая безостановочно, к 22 мая заняла Славянск, отбросив части 8-й и 13-й советских армий, расстроенные и растаявшие, за Северный Донец... Генерал Май-Маевский двигал безостановочно 1-й армейский корпус генерала Кутепова и Терскую дивизию генерала Топоркова² на Харьков. Опрокидывая противника и не давая ему опомниться, войска эти прошли за месяц 300 с лишним верст... Правая колонна генерала Кутепова 10 июня внезапным налетом захватила Белгород, отрезав сообщения Харькова с Курском. А 11-го, после пятидневных боев на подступах к Харькову, левая колонна его ворвалась в город и после ожесточенного уличного боя заняла его. 16 июня закончилось очищение Крыма, а к концу месяца мы овладели и всем нижним течением Днепра до Екатеринослава, который был захвачен уже 16 числа по *собственной инициативе* генералом Шкуро. Разгром противника на этом фронте был полный, трофеи наши неисчислимы.

...В начале июня войска Кавказской армии атаковали царицынские укрепленные позиции... Двухдневные кровопролитные атаки доблестной Кавказской армии разбились о вражескую позицию. Части понесли опять большие потери, противник перешел в контрнаступление, но моральное состояние его было подорвано давно, и наша армия, отойдя на несколько верст, закрепились на линии реки Червленой, где и оставалась в течение ближайших полутора недель. За это время возобновилось железнодорожное движение, подошла на поддержку

7-я пехотная дивизия, переброшенная из состава Добровольческой армии, подоспели технические средства. 16 июня генерал Врангель вновь атаковал Царицын: танки, броневики, бронепоезда прорвали неприятельское расположение, за ними хлынули в прорыв пехота и кавалерия, и первая позиция была взята. Но большевики, подогреваемые пулеметами коммунистических частей, дрались еще упорно на второй — возле города, и только на следующий день войска группы генерала Улагая³ ворвались в Царицын с юга, в то время как корпуса Покровского и Шатилова⁴ обошли город с запада. 10-я советская армия была разбита вновь и отходила вверх по Волге, преследуемая кубанцами. На пути своем армия генерала Врангеля взяла много пленных, орудий и большие военные материалы поволжской базы, которую большевики решили защищать до последней крайности и, будучи уверены в успехе, вовремя не эвакуировали. Стоил этот успех крови немалой. В одном командном составе убитых и раненых было пять начальников дивизий, два командира бригад и одиннадцать командиров полков — свидетельство высокой доблести войск, в особенности кубанцев.

К концу июня армии Юга России, преследуя разбитого противника, вышли на фронт Царицын — Балашов — Белгород — Екатеринослав — Херсон (исключительно), упирався прочно своими флангами в Волгу и Днепр. 20 июня в Царицыне я отдал армиям директиву, получившую в военных кругах наименование «Московской». Потом в дни наших неудач осуждалась за чрезмерный оптимизм⁵. Да, не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был тогда оптимистом. И это чувство владело всем Югом — населением и армиями. Это чувство нашло отклик там, на севере, за линией фронта, среди масс, придавленных еще большевистским ярмом и с нетерпением, с радостью ждавших избавления. «Кассандры» примолкли тогда. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги.

Директива в стратегическом отношении предусматривала нанесение главного удара в кратчайших к центру направлениях — курском и воронежском, прикрываясь с запада движением по Днепру и к Десне. В психологическом — она ставила ребром перед известной частью колебавшегося казачества вопрос о выходе за пределы казачьих областей. В сознании бойцов она должна была будить стремление к конечной — далекой, заветной цели. «Москва» была, конечно, символом. Все мечтали «идти на Москву», и всем давалась эта надежда.

Конец июня и первая половина июля были ознаменованы новыми успехами. На западе Добровольческая армия, отбросив 13-ю советскую

армию и группу Беленковича, взяла Полтаву; в низовьях Днепра 3-й армейский корпус, при содействии Черноморского флота и английского крейсера «Каррадог», занял Кинбурнскую косу и Очаков, укрепившись в низовьях Днепра; на востоке — Кавказская армия, совместно с правым флангом Донской, разбила вновь перешедшую в наступление 10-ю советскую армию и 15 июля овладела Камышином. Передовые части подходили на 80 верст к Саратову...

Военные операции протекали не без серьезных внутренних трений... Не проходило дня, чтобы от генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных, имевших целью доказать превосходство его стратегических и тактических планов, намеренное невнимание к его армии и вину нашу в задержках и неудачах его операций. Особенное нерасположение, почти чувство ненависти, он питал к генералу Романовскому и не скрывал этого. Эта систематическая внутренняя борьба создавала тягостную атмосферу и антагонизмы. Настроение передавалось штабам, через них в армию и общество. В борьбу вовлекалось и английское представительство, как я узнал впоследствии. Интрига получала лишнюю благодарную тему, а политическая оппозиция — признанное орудие. Эти взаимоотношения между начальником и подчиненным, невозможные, конечно, в армиях нормального происхождения и состава, находили благодатную почву вследствие утери преемства Верховной власти и военной традиции и имели прямое отражение на периферии. ...В ряде телеграмм за май — август и в обширном письме-памфлете от 28 июля барон Врангель давал яркую апологию своей деятельности и выдвигал тяжелые обвинения главному командованию. Эта переписка вызывала недоумение своей слишком явной подтасовкой фактов, легко опровержимой. Только позднее стало ясным, что письмо предназначено было не столько для меня, сколько для распространения...

...Ко времени взятия Царицына блестящие успехи на курском и киевском направлениях и общая обстановка на театре войны определили вполне наглядно ошибочность идеи генерала Врангеля — движения главными силами на Царицын. Теперь в его глазах волжское направление утратило первостепенное значение, и 18 июня барон Врангель и его начальник штаба генерал Юзефович подали мне записки с предложением образовать конную массу в кратчайших направлениях на Москву — воронежском и курском, под его, генерала Врангеля, начальством. Для этой цели из Кавказской армии предлагалось взять 3½ конных дивизии. Считая, что такое ослабление Кавказской армии угрожает потерей Царицына и выходом большевистских сил вторично в тыл Ростову и нашим сообщениям, я отклонил это предложение.

...Барон Врангель жаловался, что после взятия Царицына я отменил обещанный его переутомленным войскам отдых и приказал преследовать противника, но скрыл, что, «учитывая создавшуюся обстановку, (он сам) еще до получения (моего) приказа отдал распоряжение продолжать наступление»... В каждом слове письма и телеграмм были желчь и яд, рассчитанные на чувства военной массы и без того нервной, ревнивой к боевым соседям и плохо разбирающейся в обстановке. ...Все это писал барон Врангель «с открытым сердцем» и в то же время с содержанием памфлета знакомил старших военных начальников. Я не считал возможным выносить на улицу эту прискорбную тяжбу подчиненного с начальником и ответил письмом «в собственные руки», приведя ряд фактов в опровержение заведомых наветов...

...Стратегия внешней войны имеет свои законы — вечные, неизменные... Но условия войны гражданской, не опрокидывая самооценку незыблемых законов стратегии, нарушают их относительное значение — иногда в такой степени, что в глазах поверхностного наблюдателя двоятся мысль: не то ложен закон, не то свершается тяжкое его нарушение... Стратегия не допускает разброся сил и требует соразмерной им величины фронта. Мы же расходились на сотни верст — временами преднамеренно, временами вынужденно... Мы занимали огромные пространства, потому что, только следуя на плечах противника, не давая ему опомниться, устроиться, мы имели шансы сломить сопротивление превосходящих нас численно его сил. Мы отторгали от советской власти плодороднейшие области, лишали ее хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армии. В подъеме, вызванном победами, в маневре и в инерции поступательного движения была наша сила. Истощенный многими мобилизациями Северный Кавказ уже не мог питать надлежаще армию, и только новые районы, новый прилив живой силы могли спасти ее организм от увядания. Мы расширяли фронт на сотни верст и становились от этого не слабее, а крепче.

...Состав Вооруженных сил Юга с мая по октябрь возрастал последовательно от 64 до 150 тысяч. Таков был результат нашего широкого наступления. Только при таком условии мы имели возможность продолжать борьбу. Иначе мы были бы задушены огромным превосходством сил противника, обладавшего неисчерпаемыми человеческими ресурсами. Наконец, движение к Киеву приводило нас к соединению с противобольшевистской польской армией, что значительно сокращало фронт и должно было освободить большую часть войск Киевской области и Новороссии для переброски

их на гомельское и брянское направления. Теория говорит о закреплении рубежей, практика гражданской войны с ее огромными расстояниями и фронтами, с ее исключительным преобладанием психологии не только в армиях, но и в населении пораженных войной областей свидетельствует о непреодолимой трудности и зачастую полной негодности метода позиционной войны. Разлив Донца задержал наступление 8-й и 9-й советских армий в феврале, Царицынская укрепленная позиция остановила движение генерала Мамонтова⁶ и первый налет генерала Врангеля. Но, снабженный некоторой техникой, генерал Врангель в два дня покончил с «Красным Верденом»⁷. Добровольческая армия без труда справилась с «крепостными зонами» Харькова и Екатеринослава...

Освобождение нами огромных областей должно было вызвать народный подъем, восстание всех элементов, враждебных советской власти, не только усиление рядов, но и моральное укрепление белых армий. Вопрос заключался лишь в том, изжит ли в достаточной степени народными массами большевизм и сильна ли воля к его преодолению? Пойдет ли народ с нами или по-прежнему останется инертным и пассивным между двумя набегаящими волнами, между двумя смертельно враждебными станами. В силу целого ряда сложных причин, стихийных и от нас зависевших, жизнь дала ответ сначала нерешительный, потом отрицательный.

Советское командование после весенних поражений напрягало чрезвычайные усилия, чтобы восстановить свой Южный фронт. Реорганизовались бывшие Украинские армии на началах регулярства; смещен был целый ряд неудачных начальников;...революционные трибуналы, заградительные и карательные отряды применяли жестокий террор для внедрения в войска дисциплины; тысячи новых агитаторов наводнили фронт; новые мобилизации 18–45-летних возрастов усилили приток пополнений. Наконец, на Южный фронт было переброшено 6 ½ дивизий с Восточного и 3 дивизии с Западного фронтов. Этими мерами в середине июля советскому командованию удалось довести состав своих южных армий до 180 тысяч при 700 орудиях. 1 августа 10-я армия... с многочисленной конницей Буденного⁸ на западном крыле, поддержанная Волжской флотилией в составе до 20 вооруженных судов, обрушилась на Кавказскую армию. Ведя непрерывные тяжкие бои, под напором сильнейшего противника в течение трех недель армия вынуждена была отходить на юг, отдав Камышин, и к 23-му дошла до самого Царицына. В этот день началось решительное сражение, в котором, атакуя с севера и с нижней Волги от Черного Яра, противник провал уже было укрепленную позицию и доходил до оружейного за-

вода. Но введением в бой последних резервов и атаками кубанской конницы генерал Врангель нанес противнику жестокий удар, отбросив его в обоих направлениях. К концу августа Добровольческая армия, вернув прежнюю линию, наступала неудержимо к Воронежу, Курску, к Десне...

В конце июля генерал Сидорин собрал между Таловой и Новохоперском конную группу около 7–8 тысяч сабель генерала Мамонтова, которой дана была задача, прорвав фронт противника, «овладеть железнодорожным узлом Козловом для расстройств управления и тыла Южного большевистского фронта»... Мамонтов под предлогом дождей, вызвавших распутицу, приказания не исполнил и, пройдя с боем через фронт, пошел на север, совершая набег в глубокий тыл противника — набег, доставивший ему громкую славу, звание народного героя и... служебный иммунитет. 5 августа он взял Тамбов, затем, последовательно занимая Козлов, Лебедин, Елец, Грязи, Касторную, 29-го очутился в Воронеже. По всему пути генерал Мамонтов уничтожал склады и громадные запасы противника, разрушал железнодорожные мосты, распустил несколько десятков тысяч мобилизованных, вывел целую бригаду крестьян-добровольцев, нарушил связь, снабжение и вызвал среди большевиков сильнейшую панику. Но, обремененный огромным количеством благоприобретенного имущества, корпус не мог уже развить энергичную боевую деятельность. Будем справедливы: Мамонтов сделал большое дело, и недаром набег его вызвал целую большевистскую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом и истерическими выпадами. Но Мамонтов мог сделать несравненно больше: используя исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы и сохранив от развала свой корпус, искать не добычи, а разгрома живой силы противника, что, несомненно, вызвало бы новый крупный перелом в ходе операции.

Наступление Добровольческой армии между тем шло с огромным порывом. Оно прикрывалось надежно с запада движением группы генерала Юзефовича на Киев и 3-го (отдельного) корпуса генерала Шиллинга⁹ на Одессу. Наступление это не было приостановлено и в те трудные дни начала августа, когда создалась большая и непосредственная угроза Харькову. 5-й кавалерийский корпус захватил Конотоп и Бахмут, прервав прямую связь Киева с Москвой, в то время как 2-й армейский корпус, двигаясь обоими берегами Днепра и опрокидывая 14-ю армию противника, шел к Киеву и Белой Церкви. И 17 августа войска генерала Бредова форсировали Днепр и вошли в Киев одновременно... с галичанами Петлюры, наступавшими с юга. Так же успешно продвигались войска генерала Шиллинга.

Овладев в начале августа при деятельной помощи возрождавшегося Черноморского флота Херсоном и Николаевом, корпус продолжал движение на Вознесенск и Раздельную. 12-я советская армия, стоявшая на фронте Киев — Одесса — Херсон, была отвлечена к востоку, в Одессе царил паника. В ночь на 10-е наша эскадра капитана 1-го ранга Остелецкого совместно с судами английского флота появилась внезапно у Сухого Лимана и высадила десант, который, соединившись с восставшими одесскими офицерскими организациями, при могучей поддержке судовой артиллерии захватил город, прервав эвакуацию его.

...В то время, когда происходили эти события, главное ядро Добровольческой армии генерала Май-Маевского, нанося тяжелые удары советским армиям, двигалось на Москву. 7 сентября 1-й армейский корпус генерала Кутепова, разбив наголову двенадцать советских полков, взял Курск... 17-го генерал Шкуро, переправившись неожиданно через Дон, захватил Воронеж... 30-го войска 1-го корпуса овладели Орлом и продолжали движение к Туле... В начале октября 5-й кавалерийский корпус генерала Юзефовича взял Новгород-Северск... На всем фронте войска Добровольческой армии захватывали десятки тысяч пленных и огромные трофеи. Удар, нанесенный советским командованием правой группой Южного фронта, завершился ее поражением.

342. А. И. ДЕНИКИН:

Милостивый государь барон Петр Николаевич!

Я в рядах Добровольческой армии почти с момента ее возникновения и с 31-го марта 1918 года стою во главе этой армии, а затем Вооруженных сил Юга России. Зарождалась Армия, не имея ничего: первые пушки были выкраденные, весь 1-й Кубанский поход, да в значительной степени и 2-й, Армии приходилось снабжать себя боевыми припасами от противника. В момент, когда я принял командование Армией, в боевом комплекте имелось едва по 10–20 выстрелов на орудие, патронов в запасе не было совсем, собирали растерянные большевиками при отступлении их к Екатеринодару.

Вся история Добровольческой армии, а затем Вооруженных сил на Юге России, имеет характер напряженной, упорной, героической борьбы материально нищей, но богатой духом армии со значительно превосходящим и гораздо лучше снабженным противником, борьбы, в которой, невзирая на превосходство сил и снабжения противника,

подчиненные мне войска своей доблестью и верой в правоту своего дела неизменно побеждали. Правда, эти победы давались недаром и многим из подчиненных мне начальников задачи казались не по силам, и мне иногда бросались упреки и давались советы, следуя которым армии Юга России, вероятно, не достигли бы настоящих результатов. Но должен сказать, что я, несмотря на все трудности, переживаемые различными участками фронта, ни разу не слышал упрека в несправедливости и лицепрятости и впервые слышу это от Вас. Обвинение это тяжкое, но не с целью оправдаться я отвечаю Вам, а с целью восстановления истории вопроса, как она рисуется мне.

...В начале мая Вы попросили разрешение приехать в Торговую и здесь доложили, что все пределы перейдены и что необходимо генералу Май-Маевскому дать разрешение на отход. Здесь же, в виду неоднократно высказывавшегося Вами желания командовать армией на Царицынском направлении и в виду сосредоточения здесь крупной массы лучшей нашей конницы. Вам предложено было объединить командование всей группой (Кавказской армией), на что Вы охотно согласились.

8-го мая была взята Великокняжеская, образована Кавказская армия, и я покинул Манычский фронт.

Приехав из Ростова, Вы мне докладывали, что 2-я Кубанская пластунская бригада стремится к своим Кубанским частям, на что я Вам ответил, что мною намечено перебросить ее на Царицынский фронт; о том, когда это сделать, в то время не могло быть речи; Вы сами тогда только что приехали из Кавказской Добровольческой армии и, конечно, понимали насколько ценен на том фронте каждый солдат. Во всяком случае, до постановки на фронт 7-й дивизии, 2-я Кубанская пластунская бригада переброшена быть не могла. Что касается технических средств, то артиллерии Вы имели вполне достаточно, так как сверх состоящей при Ваших дивизиях у Вас была одна, а затем направлена и другая гаубичные батареи 2-й артиллерийской бригады, единственный тяжелый (с шестидюймовыми гаубицами) дивизион был в Вашей армии, к Вам же еще до Вашего приезда были направлены — прибывший авто-броневой дивизион и английский авиационный дивизион. Дальнейшее усиление могло произойти бронепоездами и танками, это усиление было обещано, но оно всецело зависело от восстановления жел. дороги. К моменту восстановления мостов через Сал и Есауловский Аксай эти средства были в Вашем распоряжении.

Операцию на Царицын можно было вести двояко: или идти на шею разбитого врага, не давая ему опомниться и приготовиться к встрече, или выждать технические средства, которые Вам были обещаны

и ни на один день не запоздали. Это можно было определить только на месте — не перегружена ли лошадь, везущая кладь.

Вы писали, что не двинетесь вперед ни на шаг, несмотря на все приказания. Но хотя Вас никто не заставлял и не стеснял во времени, Вы решили избрать первый способ действий — идти напролом — и это сделали, не ожидая технических средств, которые, Вы знали, будут, как только будет готова железная дорога. Эти средства, равно как и 7-ю дивизию. Вы получили не после кровавого урока и не вследствие его, а как только была готова железная дорога и обоз и артиллерия 7-й дивизии были запряжены. Усилить Вас не 7-й дивизией было нельзя, так как для этого надо было бы остановить успешное продвижение Добровольческой армии и вытягивать части из боя.

По взятии Царицына мне очень хотелось дать отдых доблестной Кавказской армии, но в резерве ее я не оставлял, а 30-го июня отдал директиву № 08878, согласно которой Кавказская армия должна была выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов. По Вашему докладу предполагалось, что Вы дадите частям отдых в Царицыне, и что донцы в состоянии будут гнать противника одни. Отдых Вы определяли в две недели. Я, не зная в каком виде отошел противник, не возражал Вам, и на другой день я не отменил своего приказа, которого и не отдавал, а приказал в соответствии с общей обстановкой, частью сил преследовать противника, что Вы и сделали, как доносили, до получения моего приказания.

...Вы пишете, что «обещанный войскам отдых был отменен и наступление возобновилось». Наступление возобновилось, но не по моему капризу, а потому, что этого требовала обстановка, и приказ начать наступление был отдан не мной, а Вами.

Вопросы снабжения действительно у нас хромают, и Вы знаете, что вполне наладить это дело при общей разрухе промышленности, при расстройстве транспорта, при самостийности Кубани — выше моих сил. Все меры, какие возможно, принимаются. Но вместе с тем, Вы смотрите на довольствие трофейными снарядами как на нечто ненормальное. Нет, это вполне нормальное явление, и мы бы не могли существовать уже давно, если бы не имели этого источника.

...Какие же основания были у Вас бросить мне обвинение в особом благоприятствовании Добровольческой армии, какие конкретно данные Вы можете привести? Разве не исключительно стратегические соображения все время руководили мной? Ведь когда генерал Май-Маевский вел героическую, неравную борьбу в Донском бассейне, у него взяли на Царицынское направление три дивизии, хотя Вы считали силы Добровольческой армии совершенно недостаточными. Была

взята дивизия с Северного Кавказа, невзирая на протесты генерала Ляхова и Терского Атамана.

Неужели же теперь, когда перед нами огромная перспектива в виде Киева, Одессы, Курска, нам следует от них отказаться и гнать войска только к Саратову? Но Вы сами же писали, что теперь вопрос решается на Курском направлении.

...Вы меня вините в том, что в Добровольческую армию поступают добровольцы, а Вас не укомплектовывают. Вы прекрасно знаете условия пополнения. Русские люди на Вашем пути такие же, как и на пути Добровольческой армии: в свое время, оценивая Царицынское направление, Вы их настроение предполагали даже лучше, чем в Малороссии. Ну а воздействовать на Кубань, к сожалению, в большей мере, чем я это делаю, не могу, не могу, равно как не могу их заставить брать к себе в полки «солдатских» офицеров.

Издали у других все кажется лучше. Вам кажется, что Добровольческая армия идет, не встречая сопротивления, но Вы не учитываете, что в то время, как собственно Кавказская армия занимает фронт в 40 верст, в это же время фронт добровольческой армии почти 800 верст; что спасти создавшееся трудное положение на Донском фронте будет все та же Добровольческая армия. В свое время я от Генерала Краснова получал упреки, что я добровольческие части разворачиваю где-то в Донецком бассейне, а не шлю к нему на фронт.

...Странно мне все это писать; ведь это так просто восстановить при малейшей объективности. Еще более странно входить в обсуждение личных отношений. Никто не вправе бросать мне обвинения в лицемерии. Никакой любви ни мне не нужно, ни я не обязан питать. Есть долг, которым я руководствовался и руководствуюсь. Интрига и сплетня давно уже плетутся вокруг меня, но меня они не затрагивают, и я им значения не придаю и лишь скорблю, когда они до меня доходят.

Уважающий Вас А. Деникин.

343. Б. А. ШТЕЙФОН:

Генерал Деникин, прекрасно понимая жизненное значение Донбасса для совдепии¹, в свою очередь отстаивал всеми своими возможностями этот район. Борьба велась затяжная, утомительная и жестокая... Генерал Деникин был слишком опытным полководцем, чтобы преждевременно разглашать свои оперативные планы... в те дни для армии, а следовательно, и для генерала Деникина имелись лишь два реше-

ния: или гнать красных, не давая им устраиваться, и тем дать армии средства к ее дальнейшему развитию, или продвигаться осторожно и знать уверенно, что дух армии принизится, прежде чем она усилится численно... Была получена телеграмма о намерении генерала Деникина посетить Харьков. Главкомандующий Вооруженными Силами Юга России впервые появлялся на территории, которая безоговорочно подчинялась ему. По случаю приезда генерала Деникина был устроен парад войскам. Это был наиболее блестящий, наиболее внушительный парад за все время существования Вооруженных Сил Юга России. Я был назначен командовать парадом.

К 10 часам утра на Соборную площадь стали стягиваться участвовавшие в параде части. С оркестрами, подтянутые, одетые во все лучшее и форменное. На правом фланге стали дроздовцы в своей красочной форме. Далее, загибая фронтом на Николаевскую площадь, выстроились белозерцы. Они имели стальные каски, захваченные в большевистских складах, и это однообразие головных уборов придавало полку воинственный и строевой вид. За Белозерским полком тянулись орудия дроздовской артиллерии и броневики. Еще дальше — Кубанская казачья дивизия в конном строю. Все улицы, выходящие к району парада, были заполнены толпами народа. Окна громадного здания присутственных мест, выходящие на Соборную площадь, являли пеструю, яркую картину дамских лиц и костюмов. Настроение и войск, и зрителей было приподнятое, праздничное. Слава и популярность генерала Деникина были тогда в полном блеске.

Поезд главкомандующего запоздал и прибыл только к 2 часам. Скоро со стороны Павловской площади показался ряд автомобилей. Раздалась команда, войска взяли «на караул», и в воздухе понеслись торжественные звуки Преображенского марша. «Здравствуйте, доблестные дроздовцы», — послышался спокойный, громкий голос главкомандующего. И после ответа из рядов войск вырвалось громкое «ура». Его подхватили стоявшие толпы народа. Генерал Деникин неторопливо обходил длинную линию войск, а вслед ему неслись музыка и бесконечное «ура». Воистину это был триумф удачливого победителя! Долго затем проходили войска церемониальным маршем мимо своего вождя. Горящие глаза и воодушевленные лица ярко свидетельствовали их преданность Белому делу. По должности командующего парадом я стоял рядом с генералом Деникиным и видел, каким удовлетворением и тихой внутренней радостью светилось его лицо. В те минуты он не мог не чувствовать той крепкой связи, какая существовала между ним и армией. И если перезвон соборных колоколов невольно переносил меня мысленно в Москву, то, вероят-

но, и главнокомандующему рисовалась в те минуты освобожденная Первопрестольная...

После парада генерал Деникин в сопровождении начальствующих лиц прибыл в городскую думу. В большом зале его ожидали представители города и депутаты многочисленных общественных организаций. Выслушав ряд приветствий и поблагодарив за выраженные чувства, главнокомандующий, говоря о заветном стремлении русских людей освободить Москву, произнес: — Третьего дня я отдал приказ армиям...

Затем он на мгновение запнулся и закончил:

— ...Наступить на Москву!

Во время речи главнокомандующего стояла полнейшая тишина. После слов «наступить на Москву» вся эта тысячная толпа, заполнявшая обширный зал, коридоры, лестницу, на мгновение оцепенела. Я почувствовал, как неожиданная спазма перехватила мое горло. На мгновение я перестал дышать, а на глазах появились слезы. Еще минута такого общего столбняка, а затем уже не крик, а иступленный вопль «ура». Люди не замечали катящихся из их глаз слез и кричали, кричали, вкладывая в этот крик и тоску накопившегося национального горя, и весь восторг затаенных надежд. Незабываемые картины и переживания! То был высший подъем осознания Белой идеи. Это были минуты величайшего порыва патриотизма. Все смешалось, перепуталось, и потрясенный Деникин должен был переживать истинное удовлетворение и как русский человек, и как белый вождь.

После приема депутации генерал Деникин отправился на обед, устроенный городскими представителями в саду Коммерческого клуба. Российское гостеприимство, радостное настроение и волнующие речи... Обед давно уже закончился, а главнокомандующий продолжал еще сидеть. Он явно наслаждался и отдыхом, и обществом незнакомых, но родных ему по духу русских людей. После обеда желающие закурили. На предложение соседей А. И. Деникин ответил, что вообще не курит и только изредка разрешает себе насладиться сигарой. И надо было видеть, как засуетились наши любезные хозяева, как заволновались, забежали старшины клуба, желая достать сигару для главнокомандующего. В этом незначительном эпизоде проявилось столько ласки, столько внимания, и так искренне всем хотелось услужить дорогому гостю, доставить ему хотя бы небольшую радость... В это же время к генералу Деникину незаметно подошел какой-то почтенный пожилой господин, выбрал момент, схватил руку главнокомандующего и быстро ее поцеловал. Этот жест сильно смутил Деникина и вызвал новый порыв энтузиазма. После обеда главнокомандующий проехал

по городу, а затем посетил спектакль в городском драматическом театре. Лично я не был на этом спектакле, но мне передавали, с каким восторгом публика приветствовала своего вождя.

В тот светло-пасхальный день мы забыли и о чувствах мести, и о лаврах победителей. В наших ушах неумолчно звучал радостный благовест московских колоколов, а перед глазами стояли видения кремлевских святынь... В сердцах и в душах наших была только Москва...

344. А. В. ТУРКУЛ

Был взят Харьков. Всю ночь на Николаевской площади не расходилась толпа, и я не раз просыпался от глухих раскатов «ура»... На четвертые сутки прибыл Главнокомандующий, генерал Деникин. Парад на Николаевской площади. Громадные толпы. Все дамы в белых платьях, цветы. Торжественное молебствие. Главнокомандующий пропустил церемониальным маршем Дроздовские офицерские и Белозерский полки. От города генералу Деникину были поднесены икона и хлеб-соль. После парада он отбыл в городскую думу на торжественное заседание. А у нас целыми днями шли строевые занятия. В конце второй недели харьковской стоянки я получил приказ идти с батальоном и артиллерией на Золочев. Красные заседали там на сводный стрелковый полк.

345. В. Х. ДАВАТЦ:

Скоро ожидается наступление на Ростов и приезд на позиции Сидорина и Деникина. Я чувствую, что люблю Деникина так, как солдат может любить своего вождя. Я вспоминаю «Войну и Мир», где описывается это чувство любви к государю, когда хочется просто умереть на его глазах. Такой-же любовью люблю я Деникина, этого благородного страдальца за русскую землю...

346. Ф. И. ЕЛИСЕЕВ:

В центре Вооруженных сил Юга России, как официально определялись все силы под командованием генерала Деникина по его «Московской директиве», был полный успех... Малиновый звон кремлевских колоколов Белокаменной, как писали тогда многие газеты, казалось,

уже слышен был... В телеграмме командующего Донской армией генерала Сидорина на имя генерала Деникина донесено следующее: «Только за время с 25 августа и по 20 сентября Донская армия взяла 25 тысяч пленных, 24 орудия и 162 пулемета. На это генерал Деникин ответил 24 сентября: «Сердечно благодарю Вас и прошу передать доблестным частям генерала Мамантова и генерала Шкуро мою искреннюю благодарность за их последнюю работу, закончившуюся разгромом частей 8-й советской армии и захватом важного железнодорожного Лискинского узла»... В Добровольческой армии генерала Деникина его приказом (выработанным положением) офицеры не награждались боевыми орденами за отличия, считая, что в Гражданской братоубийственной войне подобное награждение морально недопустимо¹.

347. В. Е. ПАВЛОВ:

...Ну, а марковцы? Они держались, несмотря на неделю отчаянных боев, несмотря на значительно уменьшившуюся численность, несмотря на сокращение часов, когда мы могли отдохнуть. Прошло теплое и сухое время, когда в боях и в охране можно полежать на земле. Плохо стало и с подвозом пищи — части всегда в движении. Сутками до них не могли добраться кухни с хлебом, а когда добирались, бойцы были рады и месиву в кухне, и черствому, промокшему хлебу. Как отлично не были расположены к белым крестьяне, но что они могли дать? Моральное состояние? Оно уже не было прежним. О наступлении на Москву не говорили и не думали. Но настроение было крепко на том градусе, который требовался, чтобы сдерживать противника, не считаясь с его и своими потерями.

348. К. В. ДЕНИКИНА:

Они¹ работали «без отдыха и срока», а когда разложат перед собой карты... Меня это приводило в отчаяние: никакое здоровье так долго не могло выдержать. Бывало обед подан, а они оба всё не идут. Я просуну голову в кабинет и вижу их над огромным длинным столом, заваленным картами и чертежами. На моё напоминание — только нетерпеливое шиканье. А время всё идёт. Тогда я беру на руки мою дочь, решительно вхожу в кабинет и между двумя склонёнными седыми головами на все географические карты и стратегические планы сажаю шестимесячное торжествующее человеческое существо. «Атмосфера разряжалась», генералы улыбались и шли обедать...

349. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

Генерал Деникин, прибыв из Екатеринодара, лично принял на себя руководство войсками Манычской группы... Генерал Деникин лично мог убедиться в серьезности создавшегося положения. 1-й Конной дивизии генерала Шатилова было отдано приказание спешно грузиться и следовать на Манычский фронт. Предсказания мои генералу Романовскому осуществлялись, и Главнокомандующий, приняв на себя руководство манычской операцией, вынужден был сосредоточить те самые части, каковые предлагал генералу Романовскому использовать для намеченной операции и я... Я спросил Главнокомандующего, кто из начальников объединяет главную массу нашей конницы, и с удивлением узнал, что конная масса не объединена в одних руках и что отдельные кавалерийские начальники подчиняются непосредственно Главнокомандующему. Трудно было при этих условиях ожидать единства действий. Я высказал это генералу Деникину:

— Все это так, но как вы заставите генерала Покровского или генерала Шатилова подчиниться одного другому.

Возражение Главнокомандующего поразило меня. Казавшийся твердым и непреклонным, генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей дававший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главнокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное бросание денег этими генералами. Однако на все это генерал Деникин смотрел как будто безучастно. И в данном случае он не мог решиться, несмотря на то, что общая польза дела этого явно требовала, подчинить одного генерала другому. Я высказал генералу Деникину мое мнение, что для успеха дела конница должна быть объединена в одних руках, что хотя генерал Шатилов как крупный начальник имеет несравненно больше данных нежели генерал Покровский, однако, с другой стороны, он еще недавно был подчинен последнему, входя своей дивизией в состав его корпуса и, что близко зная генерала Шатилова, я не могу допустить мысли, чтобы он отказался подчиниться тому или другому начальнику, раз последует приказание Главнокомандующего. Присутствующий при разговоре генерал Романовский обратился ко мне:

— А вы, Петр Николаевич, не согласились бы помочь нам, объединив конницу — вам все наши полководцы охотно подчинятся.

Я охотно согласился, ясно сознавая, что это единственная возможность закончить, наконец, бесконечно затянувшуюся операцию. Радовала меня и возможность, непосредственно руководя крупной массой конницы, разыграть интересный и красивый бой.

...Отъехав верст пять, я встретил автомобили штаба Главнокомандующего. Генерал Деникин, в сопровождении генерала Романовского... и нескольких лиц своего штаба, ехал в Великокняжескую. Главнокомандующий был весьма доволен нашим успехом; обнял и расцеловал меня, горячо благодаря. По его словам, он наблюдал атаку моей конницы с наблюдательного пункта 6-й пехотной дивизии.

— За всю гражданскую войну я не видел такого сильного огня большевистской артиллерии, — сказал генерал Деникин.

...Я просил Главнокомандующего усилить меня и артиллерией, что и было мне обещано.

— Ну как, через сколько времени поднесете нам Царицын? — спросил генерал Деникин.

Я доложил, что, рассчитывая вести настойчивое преследование, дабы не дать возможности противнику оправиться и задержаться на одном из многочисленных естественных рубежей — притоков Дона, я надеюсь подойти к Царицыну своей конницей недели через три. Дальнейшее зависит от своевременности присылки мне обещанных Кубанской пластунской бригады и артиллерии, ибо овладение укрепленным Царицыном, как показал опыт Донской армии, уже однажды минувшей зимой пытавшейся овладеть городом, без достаточно сильной пехоты и могучей артиллерии, невозможно.

— Конечно, конечно, все, что возможно, вам пошлем.

Поезд Главнокомандующего отбыл в Ростов. Генерал Деникин, стоя у окна своего вагона, дружески кивал мне и, улыбаясь, показывал число три — напоминание о сроке, обещанном мной для подхода к Царицыну. ...Обещание мое генералу Деникину было выполнено. Неотступно преследуя противника, моя конница в самых тяжелых условиях пересекла безлюдную и безводную калмыцкую степь, преодолела ряд укрепленных и отчаянно оборонявшихся противником рубежей и подошла к Царицыну, пройдя около 300 верст, в назначенный мною Главнокомандующему трехнедельный срок. Намечая этот срок, я правильно учел обстановку. В то же время обещание Главнокомандующего дать мне необходимые для завершения операции силы и средства исполнено не было. Развивавшиеся успехи на Харьковском направлении поглощали все внимание Главнокомандующего и Царицынское направление в глазах генерала Деникина стало второстепенным.

...Главнокомандующий отдал приказание спешно направить ко мне закончившую формирование 7-ую пехотную дивизию в составе двух полков и пяти батарей; 3 бронепоезда, вооруженные тяжелой артиллерией и наконец, шесть танков... Лишь после полученного кровавого урока ставка спохватилась.

...Генерал Науменко¹ сообщил мне, что Главнокомандующий и генерал Романовский мною очень недовольны — мне ставилась в вину резкость моих телеграмм. Генерал Романовский говорил генералу Науменко, что тон этих телеграмм совершенно недопустим, что «генерал Врангель не просит, а требует, почти приказывает»... Тем не менее я был доволен, что наконец добился обещанных подкреплений. Правда, взамен прекрасных пластунских частей, я получил неизвестную мне 7-ую пехотную дивизию. Дивизия едва успела закончить формирование; некоторые части не имели обозов; состав частей был сборный; начальники новые... Тем не менее, при почти полном отсутствии в армии пехоты, 7-я дивизия значительно усиливала армию, а прибытие тяжелой бронепоездной артиллерии и, главным образом, танков давало возможность бороться с позиционной и судовой артиллерией красных и преодолеть искусственные препятствия.

В тот же день вечером прибыл в Царицын Главнокомандующий. Приняв почетный караул, он пригласил меня и начальника штаба в вагон. Главнокомандующий благодарил нас и расспрашивал о подробностях дела.

— Ну, что, как теперь настроение. Одно время было, кажется, неважным, — улыбаясь, спросил меня генерал Деникин.

— Так точно, ваше превосходительство, — нам было очень тяжело.

— Ничего, ничего, теперь отдохнете.

...Генерал Деникин с чинами моего штаба обедал у меня. Во время обеда я провозгласил тост за здоровье Главнокомандующего. Генерал Деникин, отвечая мне, подчеркнул значение сегодняшнего дня.

— Сегодня мною отдан приказ армиям идти на Москву.

Вечером Главнокомандующий выехал из Царицына в Харьков.

...Главнокомандующий принял меня в присутствии генерала Романовского. Я доложил о ничтожном боевом составе полков, отсутствии необходимых пополнений, указал, что общая численность войск, входящих в состав армии, столь незначительна, что совершенно не оправдывает существование многочисленных штабов, и что если части не будут пополнены, то казалось бы необходимым свести некоторые из них вместе, расформировать ряд штабов и самую армию свести в корпус.

Главнокомандующий сослался на то, что «ничего не может поделать с казаками», что «самостийники помогать не хотят...» Присутствующий

при разговоре генерал Романовский советовал мне самому переговорить с казаками. Я довольно резко ответил, что мое дело командовать армией, вести же переговоры с казаками не входит в круг моих обязанностей. Главкомандующий, видимо желая прекратить разговор, предложил генералу Романовскому созвать совещание с участием моим, войскового и походного атаманов... Мы вышли от Главкомандующего вместе с генералом Романовским. Неожиданно он обратился ко мне. «Я хотел переговорить с вами, Петр Николаевич, я замечаю за последнее время с вашей стороны какое-то недоброжелательное отношение, вы, как будто, нас в чем-то упрекаете, между тем мы стараемся вам всячески помочь».

Я ответил, что никакого недоброжелательства с моей стороны нет, что если я подчас с излишней горячностью и высказываю свое мнение, то это исключительно оттого, что я не могу не делить радостей и горестей моих войск и оставаться безучастным к тяжелому положению армии. «Я рад, что мы объяснились», — сказал генерал Романовский. Мы расцеловались.

...Лично данное мне 20 июля Главкомандующим обещание выслать мне взамен передаваемой в Добровольческую армию 7-й пехотной дивизии 2-ую кубанскую пластунскую бригаду опять не выполнялось... Ставка требовала продолжения наступления, не желая считаться ни с какими доводами.

...Из писем из Екатеринодара и от приезжающих оттуда лиц я знал, что в ставке мною недовольны. Генерал Романовский громко обвинял меня в «оппозиции» главному командованию. Это служило камертоном и для прочих чинов штаба. Не сомневаюсь, что значительную роль играли здесь секретные сводки и «информация вверх» пресловутого Освага. Чья-то незримая рука искусно вела закулисную игру. Еще в бытность мою в Ростове мне попалась в руки одна из секретных информационных сводок донского штаба. Отмечая благожелательное ко мне отношение местного населения, она упоминала вскользь, что «среди обывателей ходят слухи, что в ближайшее время Врангель явится преемником генерала Деникина». Я тогда же, показывая сводку генералу Юзефовичу, сказал ему, что фраза эта помещена неспроста, а, несомненно, с задней мыслью вселить в Главкомандующего предубеждение против ближайших помощников. Впоследствии я имел случай убедиться, что подозрения мои были вполне основательны, и что чья-то злая воля удачно использовала слабые струны Главкомандующего.

...Третье наступление красных окончилось так же неудачно, как и первые два. В шестинедельных упорных боях Царицынская группа противника, в состав которой вошли части II-й, IV-й, X-й и XI-й

красных армий, была жестоко разгромлена. Дух противника был сломлен. Между тем, успевшая отдохнуть и значительно пополниться, Кавказская армия после ряда одержанных побед успела совершенно окрепнуть. Опасность Царицыну можно было считать на долгое время устраненной.

Главкомандующий поздравил армию с победой, отметив в телеграмме, что «талантливое руководство командующего армией и доблесть войск обеспечили победу».

...Действительно, за последнее время штаб главкомандующего весьма внимательно стал относиться к нашим нуждам, однако сам начальник штаба главкомандующего, видимо, не мог справиться с плохо налаженным аппаратом штаба.

Оставшийся против меня разбитый и морально потрясенный противник временно потерял всякую активность. Вместе с тем, обескровленная, слабая численностью моя армия не смогла начать новую наступательную операцию... Для меня было ясно, что чудесно воздвигнутое генералом Деникиным здание зиждется на песке. Мы захватили огромное пространство, но не имели сил для удержания его за собой. На огромном изогнутом дугой к северу фронте вытянулись жидким кордоном наши войска. Сзади ничего не было, резервы отсутствовали. В тылу не было ни одного укрепленного узла сопротивления. Между тем, противник твердо придерживался принципа сосредоточения сил на главном направлении и действий против живой силы врага. Отбросив сибирские армии адмирала Колчака на восток, он спокойно смотрел на продвижение наших войск к Курску и Орлу, сосредотачивая освободившиеся на сибирском фронте дивизии против моих войск, угрожавших сообщениям сибирской красной армии. Теперь, отбросив мою армию к Царицыну, ясно отдавая себе отчет в том, что обескровленная трехмесячными боями Кавказская армия не может начать новой наступательной операции, красное командование стало лихорадочно сосредоточивать свои войска на стыке Донской и Добровольческой армий. Сосредоточивающейся новой крупной массе красных войск Главкомандующему нечего было противопоставить...

350. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

Милостивый государь Антон Иванович!

В минуту казавшейся неизбежной гибели Великой России, когда Армия развалилась, общество трусливо попряталось по углам и обезумевший народ грабил и жег Родную Землю, Вы подняли выпавшее

из рук генерала Корнилова знамя «спасения Родины». Под сень этого знамени стекались те, кто не потерял еще веры в спасение России, кто, веря в Вас, шел за Вами на служение Родной Земле. В числе них был и я. Скоро год, как я в рядах Армии иду за Вами, страдая душой при виде потоков русской крови, пролитых братской рукой, при виде мерзости запустения Родной Земли, но незыблемо веря в светлое будущее России. Служа с Вами одному великому делу, являясь ныне одним из Ваших ближайших помощников и прожив целый год в рядах водимых Вами войск, я связан с Вами как солдат. Как человек, я обязан Вам тем неизменно сердечным отношением, которое особенно чувствовалось во время перенесенной мною смертельной болезни.

Всю жизнь свою я честно и прямо высказывал свои убеждения и, будучи связан с Вами, и как служивший под Вашим начальством солдат, и как человек искренне Вам преданный, почитал бы бесчестным ныне затаить «камень за пазухой» и не высказать Вам все, что наболело у меня на душе...Ободранные, изголодавшиеся и обескровленные войска подошли к Царицыну. Двухдневные упорнейшие атаки разбились о сильнейшую технику и подавляющую численность врага, и армия, как ломовая лошадь, стала, с трудом переводя дыхание... Ударная группа генерала Шатилова из 4-го конного корпуса и двух дивизий 1-го и 2-го Кубанских корпусов потеряла за первый лишь день 1 000 человек. К вечеру второго дня боя в 4-м конном корпусе оставалось четыре снаряда. Полки рядом тяжелых боев превратились в сотни, большая часть офицеров выбыла из строя. За трехнедельный поход армия потеряла убитыми и ранеными 6 начальников дивизий, 2 командира бригад и 11 командиров полков...Только тогда, после кровавого урока, армия получила помощь: танки, 7-я пехотная дивизия, шесть батарей тяжелой и легкой артиллерии были направлены ко мне, и с помощью всех этих средств после двухдневного кровопролитнейшего боя Царицын пал.

На следующий день Вы приехали поздравить войска с победой и, выслушав мой доклад о состоянии армии, отдали директиву, коей донцам предписывалось протянуть правый фланг до Волги, Кавказской же армии — составить Ваш резерв. Уже через сутки, отбыв в Ростов, Вы отменили свое решение, приказав армии продолжать неустанное преследование противника правым берегом Волги, Одна дивизия по Вашему приказанию переброшена на левый берег реки, имея задачей прервать сообщение Астрахани с Саратовым. Вместе с тем, из состава Кавказской армии приказано направить в Добровольческую: 7-ю пехотную дивизию, 2-ю терскую пластунскую бригаду, осетинские конные полки и осетинский батальон; взамен 7-й пехотной дивизии

мне обещана 2-я пластунская бригада, но и последняя не выслана, оставшись по просьбе генерала Май-Маевского у него для участия в Полтавской операции... Обещанный войскам армии отдых был отменен и наступление возобновилось.

...Войскам 10-й советской армии удалось на некоторое время задержать наше наступление на Балыклейских позициях — ряд наших атак успехом не увенчался. Новые потери еще более ослабили наши полки, многие из коих насчитывали 200–150 шашек... Численность многочисленных штабов равнялась почти численности войск. При этих условиях ни правильного управления, ни правильной организации быть не могло, и я прибыл в Екатеринодар лично просить Вас о сведении трех Кубанских корпусов в один и о расформировании армии. Мой доклад сочувствия не встретил... С тех пор прошел месяц, армия в ряде упорнейших боев понесла новые потери и не усилилась ни одним человеком...

...Вот горькая и неприкрашенная правда. Кавказская армия надорвана непосильной работой. Обескровленная, нищая и голодная, она сильна лишь своей доблестью, но и доблесть имеет свой предел — испытывать ее бесконечно нельзя.

До назначения меня командующим Кавказской армией я командовал теми войсками, которые ныне составляют Добровольческую, числящую в своих рядах бессмертных корниловцев, марковцев, дроздовцев. Борьба этих славных частей в Каменноугольном районе — блестящая страница настоящей великой войны. Безмерными подвигами своими они стяжали себе заслуженную славу... Вместе со славой они приобрели любовь Вождя, связанного с ними первым «ледяным походом». Эта любовь перенеслась и на армию, носящую название «Добровольческой», название, близкое Вашему сердцу, название, с которым связаны Ваши первые шаги на Великом Крестном пути... Заботы Ваши и Ваших ближайших помощников отданы полностью родным Вам частям, которым принадлежит Ваше сердце.

Для других ничего не осталось.

Разве это не так? В то время, как Добровольческая армия, почти не встречая сопротивления в своем победоносном шествии к сердцу России, непрерывно увеличивается потоком добровольно становящихся в его ряды опаматовших русских людей, Кавказская армия, прошедшая за три последних месяца с непрерывными боями более тысячи верст и взявшая число пленных, в десять раз больше нежели она сама, истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на Добровольческий фронт последние свои силы. В то время, как в рядах Добровольческой армии сражаются части, имеющие в своих рядах 70% офицеров (7-я пехотная дивизия), полки Кавказской армии ведут

в бой есаулы, а сотни и роты — урядники и приказные. В то время, как там, у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одеты, обуты и сыты, в безводных калмыцких степях их братья сражаются за счастье одной Родины — оборванные, босые, простоволосые и голодные. Чем виновны они? Неужели тем, что кучка негодяев одного с ними края, укрывшись в тылу, отеклась от общей матери — России?! Неужели ответственны за них те, кто кровью своей оросил путь от Черного моря до Каспия и от Маныча до Волги?!

Быть может, я ошибаюсь. Быть может, причина несчастий моей армии кроется в том, что я, а не другой, стою во главе ее. Благополучие части, к сожалению, сплошь и рядом зависит от того, насколько командир ее пользуется любовью старшего начальника. Расположения начальства я никогда не искал, служба Родине, а не начальникам. С Вами пошел и готов идти, пока не потеряю веры в возможность спасти Родину. Все силы и способности свои отдал ей и с Вашей стороны, как Ваш помощник, упрека заслужить не мог. В этом, полагаю, сомнения быть не может.

...Безмерно любя свою Родину, я не могу не принимать близко к сердцу все вопросы ее бытия; подчас как человек я могу не сочувствовать тому или иному Вашему требованию, но как солдат, раз пойдя за Вами, я первый подам пример беспрекословного повиновения. Моя жизнь на глазах у всех, я действую прямо и открыто, и мои сотрудники свидетели того, как пресекал я в корне малейшую попытку к интриге. Моя совесть чиста и упрекнуть мне себя не в чем; но мысль, что я, оставаясь во главе моей армии, могу невольно явиться палачом ее, не дает мне покоя...

С открытым сердцем, не допуская недомолвок, я пишу Вам, рассчитывая на Ваш такой же откровенный ответ.

Уважающий Вас и сердечно преданный П. Врангель.

351. А. Г. ШКУРО:

Первые добровольцы, горячие патриоты и идейные, бескорыстные сподвижники Л. Г. Корнилова, были уже повыбиты. Нынешнее офицерство состояло из новых людей, частью пленных или перебежавших из Красной армии, из мобилизованных в освобожденных от большевизма областях и из приезжавших с Украины, Грузии и окраинных государств. Прежние лозунги остались, но внутреннее содержание их стало другим. Прежний дух отлетел от армии. Не ощущалось и внутренней спайки между офицерами и солдатами.

352. Э. Н. ГИАЦИНТОВ:

Мы ждали, что к наступлению зимы падет Москва и кончится большевизм. Был предпринят очень удачно начатый, но почему-то отмененный главным командованием рейд генерала Мамонтова, который собрал несколько кавалерийских дивизий и, пройдя через фронт красных, двигался по направлению к Москве. Почему не могу понять, но думаю, что в окружении генерала Деникина тоже были красные ставленники, которые отозвали назад части генерала Мамонтова, и он, опять перейдя через красный фронт, вернулся обратно. Не то было бы, если бы вместо Деникина в это время командовал нашей армией генерал Врангель.

353. С. И. МАМОНТОВ:

В станции Мечетенской нас построили в громадное каре. С одной стороны регулярная кавалерия, с другой донцы, с третьей кубанцы, с четвертой терцы. Прилетел на самолете генерал Деникин и обратился к нам с речью. Но был ветер и плохо слышно. Кроме того, он говорил долго, и вскоре это стало утомительно и скучно. Тут нужен был бы Врангель, в черкеске, на чудном коне, осадивший коня и кинувший, как под Спицевкой, несколько слов. Это могло бы зажечь казаков. А не сутулая пешая фигура Деникина и длинная малопонятная речь. Нас, регулярных, пропагандировать было не нужно, мы были в прекрасном состоянии, а вот казаки были небоеспособны, и речью их боеспособными не сделаешь. На бумаге было нас от пятнадцати до восемнадцати тысяч, а на деле дрались только пять тысяч. Лучше бы вместо речи дали бы нам Корниловский полк, и все было бы в порядке. А казаков можно было увести в тыл, от них никакой пользы, а мог быть и подвох. Не знаю, кто командовал операцией под Егорлыцкой, наверное, сам Деникин, лучше бы был Врангель. Но Деникин не любил Врангеля. А казаки его любили. К сожалению, играли роль симпатии и антипатии, которые вредили делу.

354. В. И. ЛЕНИН:

...Колчак и Деникин — главные и единственно серьезные враги Советской республики. Не будь помощи им со стороны Антанты (Англия, Франция, Америка), они бы давно развалились. Только по-

мощь Антанты делает их силой. Теперь правда о Колчаке (а Деникин — его двойник) раскрыта вполне. Расстрелы *десятков тысяч* рабочих. Расстрелы даже меньшевиков и эсеров. Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца. Такова правда о Колчаке и Деникине... Особенностью деникинской армии является обилие офицерства и казачества. Это тот элемент, который, не имея за собой массовой силы, чрезвычайно способен на быстрые налеты, на авантюры, на отчаянные предприятия в целях сеяния паники, в целях разрушения ради разрушения. В борьбе против такого врага необходима военная дисциплина и военная бдительность, доведенные до высших пределов.

355. В. И. ЛЕНИН:

...Мне нездоровится, пришлось лечь. Поэтому ответьте с посылным. Опоздание наступления в Воронежском направлении (с 7 августа по 10!) чудовищно. Успехи Деникина громадны. В чем дело? Сокольников¹ говорил, что там (под Воронежем) у нас в 4 раза больше сил. В чем же дело? Как могли мы так прозевать? Скажите Главкому, что так нельзя. Надо обратить внимание серьезно. Не послать ли в РВС Южного фронта (копия Смилге² такую телеграмму:

Шифром.

Совершенно недопустимо опаздывать с наступлением, ибо это опоздание всю Украину отдаст Деникину и нас погубит. Вы отвечаете за каждый лишний день и даже час проволочки с наступлением. Сообщите тотчас Ваши объяснения и срок, когда, наконец, начинаете решительное наступление. Предсовоборона Ленин.

356. Л. Д. ТРОЦКИЙ:

...Наше главное командование подошло к разрешению проблемы Южного фронта, как к абстрактно стратегической задаче, игнорируя ее социальные основы. Кубань была главной базой добровольцев. Ставка решила поэтому решающий удар нанести по этой базе с Волги. Пусть Деникин зарывается и тянется головою к Москве. Мы тем временем за его спиною разметаем его кубанскую базу. Деникин повиснет в воздухе, и мы возьмем его голыми руками. Такова была общая стратегическая схема. Если б дело шло не о гражданской войне,

она была бы правильной. По отношению же к реальному Южному фронту она оказалась чисто академической и сильно помогла врагу. Если Деникин не мог поднять казачество на далекий поход против севера, то, ударив по казачьим гнездам с юга, мы помогли Деникину. Отныне казаки не могли уже защищаться только на своей собственной земле. Мы сами связывали их судьбу с судьбой добровольческой армии. Несмотря на тщательную подготовку нами операций и сосредоточение значительных сил и материальных средств, мы не имели успеха. В тылу Деникина казаки образовали могучий оплот. Они вросли в свою землю, держались за нее зубами и когтями. Наше наступление поставило на ноги все казацкое население. Мы тратили силы и время и толкали в состав белой армии всех способных носить оружие. Деникин тем временем разлился по Украине, пополнил свои ряды, двинулся на север, взял Курск, взял Орел и угрожал Туле. Сдача нами Тулы была бы катастрофой, так как означала бы потерю важнейших ружейного и патронного заводов.

357. Л. Д. ТРОЦКИЙ:

Деникину удалось сосредоточить на Южном фронте крупные силы, какие никогда не выдвигал против нас ни один противник... Но все же главная причина нашего отступления на юге — не кавалерия и не танки¹: просто в известный момент мы оказались значительно слабее нашего врага, — у Деникина войска была в 2–3 раза больше, чем у нас. Численное превосходство Деникина над нами объясняется не тем, что у нас мало людского материала, а тем, что у нашей армии было мало снабжения: с одной стороны, страна обеднела, истощена, с другой — у нас до сих пор была слишком плоха организация снабжения...

Во время отступления мы потеряли много орудий и винтовок, теперь убыль их пополнена, и орудий и винтовок у нас больше, чем у Деникина. Снабжение наших армий не менее обильно, чем снабжение армий противника. На Южном фронте созданы таким образом условия для перелома в нашу пользу, и если все-таки наступление противника не везде приостановлено, то это потому, что статистика — одно дело, а психология — другое.

Приостановить процесс отката можно будет только тогда, когда удастся заразить армию духом наступления. Нужно убедить армию, что она сильнее противника, и что она должна наступать. Нужно дать это почувствовать каждому красноармейцу в отдельности. И здесь на первый план выступает агитация... Я сказал, что психологического

перелома у нашей армии еще нет. Но я могу добавить, что мы к нему подходим.

Для укрепления растянувшегося фронта Деникину недостаточно одной конницы, ему приходится прибегать к принудительной мобилизации рабочих и крестьян, и этим он подготавливает условия разложения своей армии. Я думаю, что еще осенью мы нанесем решительный удар Деникину. Я надеюсь, что на этот раз на половине дороги мы не остановимся, а прижмем Деникина прямо к Кавказскому хребту.

358. Л. Д. ТРОЦКИЙ:

...У Деникина значительные силы, но силы ограниченные. Его сила в его коннице. У него могла быть надежда побить нас только в том случае, если бы его кубанские и донские резервы имели в себе силы настолько, чтобы без передышки гнать нас на Москву и за Москву. Но, с того момента как он дал нам передышку, как он дал нам возможность привести в движение тот самый аппарат, которого у него нет, — аппарат Советской власти и аппарат коммунистической партии, — его дело кончено. После удара Колчаку мы выросли втрое, а что стало с ним? Он совершенно рассыпался и сойдет на нет! Что стало с нами под ударами Деникина? Мы выросли в 4–5 раз! ...Деникин не может сдержать наше наступление на Царицын, в направлении на Борисоглебск и в направлении на Харьков, так как удар Деникина на Украине крайне незначителен. Там нет тяжелых масс, там все на поверхности — это легкая кавалерийская пена, и она будет смыта тем ударом, который мы направляем в основу деникинской армии. Вот почему нам не страшен временный, эфемерный успех Деникина на Украине...

359. Л. Д. ТРОЦКИЙ:

...Как ни тяжело положение на Южном фронте, не может быть сомнений в том, что мы справимся с Деникиным, как справились с Колчаком... Для нас ясна задача Деникина: убедившись в невозможности победить Красную Армию в открытом бою, он поставил себе целью зайти в тыл, нагрянуть с налету на Тулу, перерезать тысячи рабочих и крестьян, разрушить наши военные заводы. Но его план уже сорвался. Каждый рабочий ясно сознает, что оборона всей области между Москвой и Южным фронтом требует напряжения всех сил. Всем ясно, что нужно отдать все силы делу обороны подступов

к Туле и Москве... Деникин сейчас протягивает хищные руки к Москве, но мы удвоим силы, сплотим ряды, мы скажем: «путь к Туле и Москве лежит через наши трупы».

360. М. В. ФРУНЗЕ:

...В области военной они¹, разумеется, были большими мастерами. И провели против нас не одну талантливую операцию и совершили, по-своему, немало подвигов, выявили немало самого доподлинного личного героизма, отваги и прочего.

361. А. И. ДЕНИКИН:

Четырнадцать месяцев тяжелой борьбы. Четырнадцать месяцев высокого подвига Добровольческой армии. Начав борьбу одиноко — тогда, когда рушилась государственность и все кругом бессильное, безвольное спряталось и опустило руки, горсть смелых людей бросила вызов разрушителям родной земли. С тех пор льется кровь, гибнут вожди и рядовые добровольцы, усеяв своими могилами поля Ставрополя, Дона и Кубани. Но сквозь ужасы войны, сквозь злобу и недоверие ничему не научившихся тайных врагов своих армия пронесла чистой и незапятнанной идею Единой Великодержавной России. Подвиги армии безмерны.

И я, деливший с нею долгие, тяжкие дни и горе, и радость, горжусь тем, что стоял во главе ее. Я не имею возможности теперь непосредственно руководить Добровольческой армией, но до конца дней моих она останется родной и близкой моему сердцу. Сердечно благодарю всех моих дорогих соратников, чьими беспримерными подвигами живет и крепнет надежда на спасение России.

362. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

Секретно.

Командующий Кавказской Добровольческой Армией

Главнокомандующему Вооруженными Силами года на Юге России¹.

№ 82. 4-го апреля 1919 года, г. Екатеринодар.

РАПОРТ.

Прибыв в Екатеринодар после болезни и подробно ознакомившись с обстановкой, долгом службы считаю доложить мои соображения:

1. Главнейшим и единственным нашим операционным направлением полагаю должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией адмирала Колчака.

2. При огромном превосходстве сил противника, действия одновременно по нескольким операционным направлениям невозможны.

3. После неудачной нашей операции на Луганском направлении, мы на правом берегу Дона вот уже около двух месяцев лишь затыкаем дыры, теряя людей и убивая в них уверенность в своих силах.

4. В ближайшем месяце на севере и востоке России наступает распутица и, вопреки провокационному заявлению Троцкого о необходимости перебрасывать силы против армии адмирала Колчака, операции на этом фронте должны приостановиться и противник получит возможность перебросить часть сил на юг. Используя превосходство сил, противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создастся угроза нашей базе.

5. Необходимо вырвать, наконец, в наши руки инициативу и нанести противнику решительный удар в наиболее чувствительном для него направлении.

На основании вышеизложенных соображений, полагал бы необходимым, отказавшись от активных операций на правом берегу Дона, ограничиться здесь лишь удержанием линии устье Миуса — Ст. Гундоровская, чем прикрывается жел. дор. Новочеркасск — Царицын. Сокращение фронта на 135 верст (0,4 фронта занимаемого ныне до Гундоровской) даст возможность снять с правого берега Дона находящиеся здесь части Кавказской Добрармии, использовав их для действий на главнейшем направлении. В дальнейшем, наступая правым флангом, наносить главный удар Кавказской Добрармией, действуя от Торговой вдоль железнодорожных линий на Царицын, одновременно конной массой в две-три дивизии обрушиться на степную группу противника и по разбитии ее двинуться на Черный Яр и далее по левому берегу Волги в тыл Царицына, выделив небольшую часть сил для занятия Яшкульского узла и поднятия сочувствующего нам населения Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпит, необходимо предупредить противника и вырвать у него, столь часто выпускаемую нами из рук, инициативу.

Генерал-лейтенант Врангель

363. А. И. ДЕНИКИН:

...Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать

наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее — Нижний Новгород, Владимир, Москву.

Теперь же направить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с Запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екаторинослав — Брянск.

4. Генералу Добровольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

<..>

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач... и блокировать порт Одессу».

364. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

Доношу о новом блестящем успехе доблестных частей вверенной мне армии:

21-го после двухдневного боя корпус генерала Покровского форсировал Есауловский Аксай, овладел укрепленной и заплетенной проволокой позицией противника, захватив орудия, пулеметы и много пленных. Неустанно развивая успех, генерал Покровский, пройдя за ночь с боем 30 верст, овладел хуторами Кумской (северный), Черноморов, Шибалин, захватив более 1000 пленных, орудия и пулеметы и обозы. Противник перед 1-м Кубанским корпусом на всем фронте отходит поспешно, преследуемый неотступно моей конницей. Генерал Улагай, имея перед собой сильно укрепленную позицию и крупную артиллерию, до сего времени переправил на северный берег Есауловского Аксая лишь одну бригаду. Сейчас из общего резерва выдвигаю Улагаю пластунов и всю гаубичную артиллерию с приказанием форсировать реку во что бы то ни стало. Генералу Покровскому приказал, развивая успех, выйти на железную дорогу Лихая-Царицын, часть сил выделить для действия в тылу противника, оказывающего сопротивление 2-му Кубанскому корпусу. С 4-м конным корпусом двигаюсь следом за 1-ми 2-м кубанскими корпусами. Неиспользование полностью успеха считаю престу-

плением. То, что может ныне быть достигнуто ценою малой крови, в будущем потребует громадных жертв. Для использования успеха одной доблести мало, конница может делать чудеса, но прорывать проволочные заграждения не может. Достижение конечной цели без присылки мне пехоты, тяжелой и легкой артиллерии, выдвижения в неограниченном количестве огнестрельных припасов и средств связи, главным образом, автомобилей, без которых не в состоянии управлять армией — сегодняшний день обратится в Пиррову победу.

Котельниково, 22 мая, 10 часов 10 минут.
Нр. 0783. Врангель.

**365. <Из политической сводки ОСВАГ,
представленной главкому ВСЮР
(весна 1919):>**

...В Батуме 300 офицеров спокойно проживали на пособие, которое, как это ни парадоксально, им выплачивало турецкое правительство, а 325 офицеров, большей частью старших чинов, рассчитывали получить хорошие назначения в так называемой Русской армии Шварца¹. Среди отчаявшихся, окончательно удрученных офицеров раздаются голоса о необходимости ехать служить в совдепию, где хорошо платят.

**366. <Из листовки ОСВАГ
(весна 1919 г.):>**

...Красноармейцы в одном из занятых хуторов для своей потехи венчали священника с кобылой.

**367. <Из политической сводки ОСВАГ,
представленной главкому ВСЮР
(весна 1919):>**

По сведениям, поступающим из разных мест, — наши последние победы вызывают панику среди красных. В связи с полной деморализацией в рядах красных войск, усилилась дисциплина, поддерживаемая, главным образом, коммунистами. Обращение «товарищ» по отношению к начальствующему составу заменено «Господин командир».

368. В. И. ЛЕНИН:

Крайне обеспокоен успехами Мамонтова. Он может разрушениями дорог и складов страшно повредить нам. Все ли меры принимаются? Достаточно ли энергично и быстро? Извещайте чаще. *Ленин*

369. М. ГРЕЙ:

3 июля во время инспекторского смотра в Царицыне, который крепко держал в своих руках Врангель, Деникин подписал приказ по армии, начинавшийся следующими словами: «Имея конечной целью захват сердца России — Москвы — приказываю...»...

Советскую власть охватила паника... «Операция Москва» несколько замедлилась, затем события начали развиваться с ошеломляющей стремительностью. Киев, столица Украины, пал 30 августа; 20 сентября был взят Курск. Троцкий признавался в секретном донесении (которое будет опубликовано в 1924 году) Центральному Комитету: «Когда Колчак обещал дойти до Волги, когда Деникин назначил ему встречу в Саратове, самая большая угроза заключалась в их объединении. [Сегодня] нужно видеть ясно: Деникин несравненно более серьезный противник, чем Колчак».

370. Д. В. ЛЕХОВИЧ:

Военное счастье, сопутствовавшее большевикам на Украине и в Донской области в течение всех зимних месяцев и ранней весны 1919 года, к маю месяцу вдруг им изменило. В эти тяжелые для Деникина месяцы снова, как год назад, пришло ему на помощь сочетание боевого опыта Главнокомандующего с доблестью и упорством лучших добровольческих частей — корниловцев, марковцев, дроздовцев, алексеевцев, неся жестокие потери защищавших Донецкий бассейн...

Непрерывно маневрируя серией успешных ударов, превосходством своей конницы и удачным подбором ее руководителей, генералу Деникину удалось разгромить противника и к началу мая вырвать инициативу из рук красных. Большим козырем в руках Деникина была его кавалерия. Для генерала Деникина к маю месяцу сложилось более благоприятное соотношение сил. Ему удалось сосредоточить

50,5 тысячи войск против уже только 95–105 тысяч бойцов Красной армии и пустить в ход присланные из Англии танки...

И это наступление, длившееся непрерывно почти шесть месяцев, выдвинуло генерала Деникина на историческую роль главного и самого опасного врага советской диктатуры за период гражданской войны. К началу октября в его руках была территория в 820 тысяч квадратных километров с населением в 42 миллиона человек, с линией фронта, шедшей от Царицына на Волге через Воронеж, Орел, Чернигов, Киев и до Одессы; причем все перечисленные города были заняты белыми войсками.

...Через день после занятия Царицына туда приехал генерал Деникин. Встреченный почетным караулом, он поблагодарил генерала Врангеля за блестящий успех, присутствовал на торжественном богослужении в соборе, затем принял парад войск. Население города с восторгом приветствовало освободителей. Ликующие толпы народа загрохотали Соборную площадь и все прилегающие к ней улицы.

...С начала мая армии генерала Деникина двигались широким веером в расходящемся направлении. Теперь, после захвата Царицына, он решил направить свои войска со всех отдаленных друг от друга пунктов к центру России по линиям, сходящимся в одной точке, Москве. Таким образом, фланги его армии стягивались к центру, и главный удар на Москву намечался силами Добровольческой армии по кратчайшему пути через Харьков, Курск, Орел и Тулу. 20 июня в Царицыне генерал Деникин отдал своим войскам директиву, получившую впоследствии известность под названием «Московской директивы»... В начале августа красные пытались вырвать инициативу из рук белых, но попытка их закончилась неудачей, и инициатива осталась в руках Деникина... Все сведения и донесения, шедшие из советской зоны, указывали сперва на тревогу, а затем на панику, охватившую советское правительство, на разложение красных войск, на озлобление жителей, подвергавшихся постоянным реквизициям и произволу советской власти.

371. Г. М. ИПОЛИТОВ:

До спасения же России было далеко. Перед ВСЮР и их главкомом встали серьезные проблемы. Особенно волновало Деникина ухудшение морально-психологического состояния войск. Негативными процессами была поражена не только Донская, но и Добровольческая армия. Правда, пока что добровольцев вдохновляли победы Второго Кубанского похода. Но подспудные процессы разложения войск все

чаще вырывались наружу. Кроме того, с проведением массовых мобилизаций все больше уменьшалась офицерская прослойка, хотя число офицеров по-прежнему было высоким — около 30 тысяч человек.

Росло дезертирство. Деникин хорошо понимал психологический механизм явления, когда мобилизованная масса в тылу «в мирной обстановке запасных батальонов» остается пассивной, а на фронте способна к дезертирству. Мобилизованные сражались в рядах добровольцев, имея против себя односельчан, отцов, братьев, мобилизованных Красной армией. Но в начале 1919 года основные добровольческие части умели переплавлять весь однородный элемент в горниле боевых традиций, и, по общему отзыву своих начальников, мобилизованные солдаты вне своих губерний в большинстве воевали доблестно. Однако здесь крылись зачатки будущего обвального разложения белых.

Итак, Деникин наступал, а красные, отступая, все больше разлагались... По данным разведки советского Южного фронта, сохранившихся в РГВА, генерал имел под своим командованием 15 пехотных дивизий, насчитывавших 111 160 штыков, 26 кавалерийских дивизий в 58 700 сабель, 3 950 орудий, 1 539 пулеметов, 7 броневиков, 14 бронепоездов, 17 танков. Соотношение сил и средств: по штыкам — не в пользу Главкома (1:2,5), по саблям — в его пользу (1,7:1), по авиации и танкам — абсолютное превосходство белых. У ВСЮР по-прежнему оставался в руках главный козырь — высокая маневренность войск за счет преимущества в кавалерии.

Главный удар силами Добровольческой армии наносился по кратчайшему к Москве направлению, по тому направлению, по которому когда-то осуществлялись татарские набеги, а именно по водоразделу между Доном и Днепром. Направление главного удара было выбрано удачно, так как оно было обеспечено от удара с Запада. Всё это подкреплялось высоким духом победителей и внушало обоснованный оптимизм. Главком ВСЮР, читая директиву генералам Врангелю и Юзефовичу, говорил: «Да, вот как мы стали шагать. Для этой директивы мне пришлось взять пятиверстную карту...»

...Деникин вступил в полосу полководческих удач. Но в тылу вспыхивали восстания, с которыми предназначенные для их подавления внутренние части не справлялись, и пришлось с фронта верные боеспособные войска. К началу августа 1919 года 8 дивизий (44 тысячи штыков, 6,9 тысяч сабель, 219 орудий) были сосредоточены в ближайшем и глубоком тылу, проводили карательные операции на Северном Кавказе и Донбассе. Это была почти 1/3 сил и средств ВСЮР.

Поход Деникина на Москву существенно осложнялся тем, что Добровольческая и Кавказская армии оторвались от основной своей

базы — Кубани. А именно она летом 1919 года являлась главным источником пополнения хорошо подготовленной живой силой. Приходилось рассчитывать на местные ресурсы, проводить мобилизацию в прифронтовой полосе. Мобилизованные не имели достаточной военной подготовки. Их обучение требовало больших затрат. Оторванность от баз приводила к самоснабжению, переросшему в вакханалию грабежей, что деморализовывало войска и вызывало сопротивление населения.

Показателен в данной связи «рейд Мамонтова». 4 Донской корпус генерала К. К. Мамонтова (6 тыс. сабель, 3 тыс. штыков, 12 орудий, 7 бронепоездов, 3 бронемашины), совершив глубокий рейд, занял 29 августа 1919 года Воронеж. За 16 дней Донской корпус прошел 750 верст, из них 8 дней, по сведениям начальника штаба Донской армии генерала Кельчевского, участвовал в решительных боях. Рейд нанес сильный военный и моральный ущерб советским войскам, о чем было доложено Ленину. Но, обремененный огромным количеством добычи, корпус не смог развернуть энергичную боевую деятельность. Деникин объективно оценил «рейд Мамонтова» как «большое дело», констатировав, однако, что если бы корпус не занялся добычей, то сделал бы несравненно больше. Именно после его набега настроение населения стало склоняться в пользу красных. Мобилизация в Красную армию, по оценке советского командования, стала проходить успешнее. Обстоятельство, помешавшее генералу Деникину достичь в походе на Москву еще больших успехов, — дальнейшее обострение отношений с Петлюрой, что вынудило Главкома усилить группировку, противостоящую Директории.

...Войска Деникина подошли к Туле. Златоглавая Москва была совсем близко. Это был пик успеха генерала, к которому он шел так долго, продуманно, проявив лучшие полководческие таланты, недюжинные организаторские способности. А на направлении главного удара — милая сердцу Антона Ивановича Добровольческая армия...

372. Н. Е. КАКУРИН:

Перед угрозой стратегического изнурения своих армий генерал Деникин вступил на путь, ошибочность которого можно было видеть на примере сибирских белых армий; он начал усиленно пополнять свою Добровольческую армию не только за счет мобилизуемого населения, но и пленных красноармейцев, что, конечно, сейчас же в отрицательную сторону отразилось на боеспособности этой армии.

373. А. И. ЕГОРОВ:

Действия белых, в узкооперативном понимании, были, несомненно, в гораздо большей степени организованы и осмысленны... Намечая последовательные цели и переходя от этапа к этапу в их достижении, белые предполагали довести свои войска («дотянуться») до Москвы. Но сил наличных реальных бойцов в белых армиях не хватало уже на покрытие текущих потребностей; поэтому Деникин был вынужден прибегнуть к набору среди крестьянства, к развертыванию своих кадровых частей и к новым формированиям...

374. История гражданской войны в СССР:

...Вторжение деникинцев в Киев обострило и без того натянутые отношения между буржуазными националистами и Деникиным. По мере успехов на фронте, деникинское окружение все более нетерпимо относилось к разного рода националистическим движениям, в том числе и петлюровскому. Противоречия в стане врагов в дальнейшем, когда завязалось генеральное сражение между Красной Армией и деникинскими войсками, вылились в вооруженные стычки между деникинцами и петлюровцами. Деникин вынужден был держать против петлюровцев до 10 тысяч штыков и сабель. Противоречия между деникинцами и петлюровцами, деникинцами и белополяками умело использовались подпольными большевистскими организациями и советским командованием.

375. Гражданская война в СССР:

Деникин вынужден был не только держать в тылу крупные силы, но и оттягивать с фронта верные ему войска для «умиротворения непокорных», К началу августа восемь дивизий врага — 44 тыс. штыков и 6,9 тыс. сабель при 219 орудиях — были сосредоточены в ближайшем и глубоком тылу и проводили карательные операции на Северном Кавказе и в Донбассе. По существу, одна треть сил врага оказалась оттянутой с фронта... Однако, несмотря на ряд факторов, отрицательно сказывающихся на боеспособности Вооруженных сил юга России, они представляли собой еще довольно внушительную силу. Стратегическая инициатива по-прежнему находилась в руках противника, который продолжал вести широкие наступательные действия...

К середине сентября 1919 г. ударные группы Южного фронта перешли к обороне по всей линии боевого соприкосновения с противником. Контрнаступление советских войск не имело успеха из-за недостатка сил, особенно кавалерии, отвлечения значительного количества частей и соединений на борьбу с мамонтовцами, нарушения взаимодействия и связи между ударными группировками фронта. Несмотря на это, контрнаступление прикрыло сообщения центральных областей страны с восточными районами, обеспечив подвоз продовольствия и резервов с востока.

376. Ю. А. ПОЛЯКОВ:

Лето и осень 1919 г. — звездные месяцы Деникина. Победы следуют одна за другой, наступление разворачивается по всему фронту. Взят Царицын, который сам Деникин назвал «Красным Верденом». Звучит облетевшая тогда весь мир и вошедшая затем в учебники истории «Московская директива»... Директива поначалу успешно претворяется в жизнь. Армии неудержимо движутся на север. Конный корпус Мамонтова в дерзком набеге прорывается в советский тыл, разрушая склады и коммуникации, дезорганизуя Южный фронт. К середине октября успех близок, как никогда. Вслед за Орлом взят Новосиль. Это уже Тульская губерния. «Пороховая сердцевина» страны — Тула под непосредственной угрозой. А за Тулой — всего в 180 верстах — главная цель — белокаменная, златоглавая, первопрестольная. Взятие Москвы, представлявшееся уже осязаемым — венец делу, обретение полной власти над гигантской страной, фантастический приз честолюбивому полководцу и политику... Но в повествовании «Очерков» вкрадываются отнюдь не победные нотки...

377. Г. М. ИПОЛИТОВ:

А. И. Деникин показал себя незаурядным стратегом, умевший маневрировать силами и средствами, умело выбирать направление главного удара. Особое внимание Главком уделял вопросам морально-го фактора и учету его проявлений в условиях гражданской войны.

378. Г. М. ИПОЛИТОВ:

...Успехам Главкома ВСЮР способствовало и то, что он в той обстановке всемерно учитывал роль морального фактора в *гражданской* войне. Ему особенно пригодился здесь опыт времен русско-японской

и первой мировой войны. Антон Иванович всегда верил в доблесть добровольцев и всемерно поддерживал их дух. Примечательно, что он создал для управления процессом морально-психологического обеспечения боевых действий специальный орган — Особую часть при штабе Главнокомандующего ВСЮР. По его замыслу, она должна была непосредственно «заведовать делами пропаганды в войсках и войсковых учреждениях»... Однако особого эффекта деятельность данного органа не принесла по причинам, во многом схожими с причинами неудач ОСВАГ, и того, что поддерживать высокий уровень морально-психологического состояния войск, в силу конкретно исторической обстановки, генералу становилось все труднее.

...Главкомом ВСЮР занимался предметно психологическими операциями. При операции в Донбассе он решил направить фальшивые приказы об обороне занятых позиций, а не о наступлении на Луганск, обеспечив, что приказ попал в руки противника. Он был подкреплён демонстративными боевыми действиями. Авиация ВСЮР распространяла листовки в боевых порядках красных. Это приносило большой эффект. Агентура параллельно распространяла листовки в тыловых гарнизонах и местах расквартирования запасных частей. В листовках содержались тексты «приказов-обращений» Председателя РВС республики, которые были изготовленные в ОСВАГ. А в них содержалась разнообразная дезинформация. Так, в одном из обращений говорилось, что Л. Д. Троцкий ввел обязательные отпуска красноармейцам. Тот был вынужден издать приказ № 143, где показал: в листовке напечатан подложный документ, а отпуска будут даваться после победы. Сыграла определенную роль в стимулировании восстания вешенских казаков ситуация, когда по приказу А. И. Деникина в ОСВАГ были изготовлены и распространены среди повстанцев листовки, где сообщалось, что Совнарком подписал секретное письмо о поголовном истреблении казаков. Главком, видимо, не знал о постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) о «расказачивании». Листовка изготовлялась в целях проведения психологических операций, но удивительно, как он близко подошел к истине.

379. А. Н. ТОЛСТОЙ:

Кровавые бои на Маныче продолжались до середины мая и затихли. Генерал Деникин, раздосадованный бесплодными усилиями Кутепова прорвать фронт Десятой армии и чрезвычайно большими потерями, вызвал его в Екатеринодар. У себя в кабинете, в присутствии высокомерного, презрительного Романовского, — несправедливо, с бросанием

толстого карандаша на лежащие перед ним бумаги, — Антон Иванович говорил в повышенном тоне:

— В конце концов, мы воюем или мы устраиваем цирковые представления для господ союзников? Мы не гладиаторы, ваше превосходительство! К чему все это лихачество? Скандал! Совершенно некультурная операция, партизанщина какая-то!

Кутепов хорошо знал Деникина и понимал, почему он так кипит. Он молчал, угрюмо — вкось — глядя на маленький букетик цветов рядом с чернильницей.

— Вот прочтите, порадитесь. — Деникин взял верхний листочек из пачки бумаг. — Фронт красной Девятой армии прорван с ничтожными потерями для нас, прорван блестяще... Мы вступили в район казачьего восстания. Очевидно, на днях зайдем станицу Вешенскую... Но операции на Донце могли бы уже вылиться в широкое наступление — не свяжи мы здесь, на Маныче, столько наших сил. Мне стыдно, господа, за нашу стратегию... Весь мир смотрит на нас... Там они очень впечатлительны, будьте уверены... Пожалуйте сюда...

Он отыскал среди бумаг свое пенсне и подошел вместе с Кутеповым и Романовским к дубовому столу, где лежали военные карты. План заключался в том, чтобы генералам Покровскому и Улагаю, закончившим сосредоточивание крупных конных масс на флангах Десятой, прорваться в тылы, разбить полевую конницу большевиков, захватить станцию Великокняжескую и в четыре-пять дней закончить полное окружение красных на Маныче.

Деникин вынул из бокового кармана тужурки чистый полотняный платок, пахнувший одеколоном, и стал протирать пенсне, — короткие пальцы его с блестящей сухой кожей слегка дрожали.

— Добрармия решает вопросы мировой политики. На западе — после провала Одессы, Херсона и Николаева — это начинают понимать... Мы должны действовать молниеносными и сокрушающими ударами, — аплодисменты в этой войне превращаются в транспорты с оружием... Я всегда предостерегал против авантюры, я не люблю азартных игр. Но я не люблю и проигрывать... Если наши успехи в Донбассе не приобретут размаха общего наступления в глубь страны и не закончатся Москвой, — я пушу себе пулю в висок, господа...

Красавец Романовский со всезнающей надменной улыбочкой постукивал папироской о серебряный портсигар. Косясь на него из-под наморщенного низенького лба, генерал Кутепов понял, откуда у Антона Ивановича вдруг такой размах мыслей. Здорово, значит, ему здесь накручивают хвост. Но Кутепов был не штабной, а полевой генерал: вопросы высшей стратегии казались ему слишком туманными и утомительными, его дело было на месте рвать горло врагу.

— Сделаем все, что можем, ваше высокопревосходительство, — сказал он, — прикажете взять Москву этой осенью — возьмем...

...Хотя собор еще хранил следы запустения (при большевиках в нем помещался продовольственный склад), стекла в огромных окнах были выбиты и на облупившихся стенах сохранялись надписи: «Картошки 94 меш... Принял (неразборчиво)», но сияющий отсветом множества свечей золотой иконостас и дымок ладана, поднимающийся к куполу, и раскатывающиеся звероподобно под сводами возгласы дьякона, и бесстрастные детские голоса певчих — все это произвело на Степана Алексеевича смешанное впечатление: ему стало привычно торжественно, и так же привычно он испытал чувство приниженности, — торчавший независимо интеллигентский хвостик его сам собою поджался между ног. Впереди, отдельно на коврике, стоял генерал среднего роста, в просторной защитной куртке, в длинных брюках с лампасами; полуседые, зачесанные назад волосы его были как будто вытерты на затылке. Гораздо реже, чем другие генералы, он поднимал небольшую, полную, очень белую руку и крестился медленно, широко, плотно прикладывая щепоть к морщинам слегка откинутого лба. Степан Алексеевич понял, что это — Деникин. Жадно разглядывая его, он все же не переставал — но уже совершенно бессознательно — усмехаться тонкими губами с едким скептицизмом. Один из офицеров, внимательно наблюдавший за ним, незаметно приблизился и стал рядом. Степан Алексеевич был поглощен противоречивыми переживаниями. Его особенно привлекла эта белая рука генерала Деникина. Кому не знакомы генеральские руки, их особенная медлительная вялость... Но белая рука Деникина хватала саму историю за горло, от ее движения армии устремлялись в кровавый бой... Степан Алексеевич так разволновался от этих мыслей; что не заметил, как окончилась обедня, на амвон вышел благочинный — низенький старик в очках — и, глядя на генерала Деникина, начал слово:

— Исторический приказ возлюбленного нашего вождя, главнокомандующего белыми силами Юга России, генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина, выжжен огненными знаками в каждом сердце русского православного человека. Главнокомандующий начинает свой приказ словами: «Имея своей конечной целью захват сердца России, Москвы, сего третьего июля приказываю начать общее наступление...» Господа, не разверзлось ли небо над нами, и глас архангела Михаила созывает белое, чистое воинство...

Степан Алексеевич почувствовал щипание в носу, грудь его под размокшей крахмальной манишкой часто задышала, восторг охватывал его. Он видел, как Деникин медленно поднес ладонь ко лбу.

Степан Алексеевич понял внезапно, что должен, должен поцеловать эту руку... И когда, через несколько минут, Деникин, приложась первый к кресту, пошел по ковровой дорожке, — простенький, с подстриженной седой бородкой, похожий на уютного дядюшку, — Степан Алексеевич в крайнем восторге стремительно шагнул к нему. Деникин отшатнулся, заслонился рукой, лицо его болезненно и жалко исказилось. Его сейчас же заслонили генералы. Степана Алексеевича кто-то схватил сзади за локти и сильно потянул вниз так, что подогнулись колени.

— Слушайте, слушайте, я хотел...

Офицер, схвативший его, бегал зрачками по его лицу.

— Вы как сюда попали?

— Я хотел только руку...

— Где пропуск?

Офицер продолжал оттирать Степана Алексеевича в толпу, не выпуская его. Около бокового выхода он кивком головы подозвал двух мальчишек-юнкеров с винтовками:

— Взять этого. В комендатуру...

380. Г. Д. ВЕНУС:

— ...Сегодня я отдал приказ идти на Москву! — объявил за день перед этим с Павловской площади генерал Деникин.

— На Москву! — На Москву! — Спасай-те Москву-у! — кричала обступившая нас толпа, бросая в воздух цветы и белые платочки. Батальон подходил к вокзалу...

— Первая рота... Вторая... — Первый вагон... Третий... — уже на перроне кричали ротные и взводные. Железнодорожники встретили нас хмуры. Смазывая колеса, они исподлобья переглядывались и, кажется, ворчали.

Прошло несколько дней. Приказом по армии генерал Деникин переименовал всех прапорщиков в подпоручики. Старые подпоручики были недовольны: — Ну, а мы?.. Вечером того же дня прапорщички, произведенные в подпоручики, пили коньяк «три звездочки»: «авансом на новое производство» — и смеялись в коридорах до полуночи.

...Все больше и больше снижались пули. Нартов ворчал. Шел угрюмым шагом, опустив винтовку штыком до самой земли. По нем равнялась вся цепь. Я был обрызган кровью и мозгами отделенного. Вытирая лицо рукавом, быстро пригибал голову, самого же себя обманывая: «Ну, конечно, не трушу... Пригибаюсь?.. Ну, конечно!.. Но кровь...»

— Эй, не бежать!..

Из-под обстрела красных мы вышли только через полчаса.

...Из штаба батальона вели пленного ординарца, в темноте подъехавшего к нашей цепи. Пленный шел, опустив голову, и угрюмо смотрел на дорогу. Через минуту за бараком раздался выстрел.

381. И. Л. БУНИЧ:

Бухарин¹ вспоминал: Деникин под Тулой, мы укладывали чемоданы, в карманах уже лежали фальшивые паспорта и «пети-мети»², причем я, большой любитель птиц, серьезно собирался в Аргентину ловить попугаев. Но кто, как не Ленин, был совершенно спокоен и сказал, и предсказал: «Положение — хуже не бывало. Но нам всегда везло и будет везти!»

3.5.2. «Vae victis»¹

382. А. И. ДЕНИКИН:

...Кончился 1919 год¹. Год, отмеченный для нас блестящими победами и величайшими испытаниями... Кончился цикл стратегических операций, поднявших линию нашего фронта до Орла и опустивших ее к Дону... Подвиг, самоотвержение, кровь павших и живых, военная слава частей — все светлые стороны вооруженной борьбы поблекнут отныне под мертвящей печатью неудачи... Трехмесячное отступление, крайняя усталость, поредение армий, развал тыла, картины хаотических эвакуации произвели ошеломляющее впечатление на общественность, отозвались болезненно на состоянии духа ее и армии и создали благоприятную почву для пессимистических настроений и панических слухов. Появились люди, которые «все предвидели» и «все предсказывали»... Люди экспансивные и неуравновешенные, с невыдержавшими нервами, которые впадали в глубочайшую безнадежность, считали, что сопротивление сломлено и борьба проиграна. И это падение воли к борьбе — иногда в прямой открытой форме, иногда под маской гуманитарных соображений или стратегических предосторожностей — тонким ядом проникало в диспуты представительных и политических организаций, в доклады некоторых военных начальников.

Я употреблял все усилия, чтобы побороть инерцию отступательного движения, видя в затылке операций одно из действенных средств подорвать силы противника. Поход в несколько сот верст и непрестанные кровавые бои не могли не ослабить его и морально, и физически, не могли не расстроить его сообщений. И я, и генерал Романовский считали, что и в каменноугольном районе, и на Донском плацдарме мы могли бы удержать противника, что, невзирая на неравенство сил, взаимоотношение их ценности таково, что достаточно было одного сильного удара, одного крупного успеха, чтобы перевернуть вверх дном всю стратегическую ситуацию и поменяться ролями с противником, подобно тому, как это было в мае в каменноугольном бассейне...

...В начале января фронт главной группы Вооруженных сил Юга шел по Дону до станицы Верхне-Курмоярской и оттуда, пересекая железнодорожную линию Царицын — Тихорецкая, по Салу уходил в калмыцкие степи. Численность войск была приблизительно одинакова у обоих противников, колеблясь между 40–50 тысячами у нас и 50–60 тысячами у большевиков.

...7 февраля Добровольческий корпус, нанеся поражение 8-й советской армии, стремительной атакой овладел городами Ростовом и Нахичеванью. Успех, вызвавший большое впечатление и взрыв превеличенных надежд в Екатеринодаре и Новороссийске... Это были последние светлые проблески на фоне батальной картины... К 16 февраля Добровольческий корпус, оставив по приказу Ростов и отойдя за Дон, отбивал еще веденные с необычайным упорством атаки 8-й советской армии. Но ослабленный соседний Донской корпус отходил уже к Кагальницкой; осадил поэтому и правый фланг добровольцев у Ольгинской, понеся тяжелые потери. 17 февраля генерал Сидорин отвел войска Северного фронта за реку Кагальник, но части не остановились на этой линии и под давлением противника отошли дальше. Дух был потерян вновь. Наша конная масса, временами раза в два превосходящая противника (на главном тихорецком направлении), висела на фланге его и до некоторой степени стесняла его продвижение. Но пораженная тяжким душевным недугом, лишенная воли, дерзания, не верящая в свои силы, она избегала уже серьезного боя и слилась в конце концов с общей человеческой волной во образе вооруженных отрядов, безоружных толп и огромных таборов беженцев, стихийно стремившихся на запад. Куда?

Стратегия давала ответ определенный: армии должны задерживаться на естественных водных рубежах — сначала Дона, потом Кубани. Если не подымется дух казачий и не удержатся армии, тогда дальнейший отход войск, не желающих драться, по мятущемуся Кубанскому

краю, имея впереди Кавказский хребет и враждебное Закавказье, вел к гибели. Необходимо было оторваться от врага, поставить между ним и собою непреодолимую преграду и «отсидеться» в более или менее обеспеченном районе. Первое время, по крайней мере, пока не сойдут маразм и уныние с людей, потрясенных роковыми событиями. Таким пристанищем был последний клочок русской земли, остающийся в наших руках, — Крым.

...С середины февраля армии наши отступали в общих направлениях железнодорожных линий от Кущевки (Добровольческий корпус), Тихорецкой (Донская армия), Кавказской и Ставрополя (Кубанская армия) на Новороссийск, Екатеринодар, Туапсе. Непролазные от грязи кубанские дороги надежнее, чем оружие, сдерживали инерцию наступательного движения большевиков... Отступление продолжалось. Всякие расчеты, планы, комбинации разбивались о стихию. Стратегия давно уже перестала играть роль самодовлеющего двигателя операций. Психология массы довлела всецело над людьми и событиями. 4 марта я отдал директиву об отводе войск за Кубань и Лабу и об уничтожении всех переправ. Фактически переправа кубанских и донских частей началась еще 3-го и закончилась 4-го. 5-го перешел на левый берег Кубани и Добровольческий корпус после упорных боев с сильной советской конницей, пополненной восставшими кубанцами. Донесения отмечали доблесть славных добровольцев и рисовали такие эпические картины, что, казалось, оживало наше прошлое... Движение, например, в арьергарде полковника Туркула с Дроздовским полком сквозь конные массы противника, стремившегося окружить и раздавить его... При этом Туркул, «неоднократно сворачивая полк в каре, с музыкой переходя в контратаки, отбивал противника, нанося ему большие потери».

Представители союзных держав, обеспокоенные стратегическим положением Юга, просили меня высказаться откровенно относительно предстоящих перспектив. Мне нечего было скрывать:

— Оборонительный рубеж — река Кубань. Подымется казачество — наступление на север. Нет — эвакуация в Крым.

7 марта я отдал последнюю свою директиву на Кавказском театре: Кубанской армии, бросившей уже рубеж реки Белой, удерживаться на реке Курге; Донской армии и Добровольческому корпусу оборонять линию реки Кубани от устья Курги до Ахтанизовского лимана; Добровольческому корпусу теперь же частью сил, обойдя кружным путем, занять Таманский полуостров и прикрыть от красных северную дорогу от Темрюка. Ни одна из армий директивы не выполнила... 10 марта «зеленые» подняли восстание в Анапе и Гостогаевской станице и захватили эти пункты. Действия нашей

конницы против «зеленых» были нерешительны и безрезультатны. В тот же день большевики, отбросив слабую часть, прикрывавшую Варениковскую переправу, перешли через Кубань. Днем конные части их появились у Гостогоаевской, а с вечера от переправы в направлении на Анапу двигались уже колонны неприятельской пехоты. Повторенное 11 марта наступление конницы генералов Барбовича, Чеснокова и Дьякова на Гостогоаевскую и Анапу было еще менее энергично и успеха не имело. Пути на Тамань были отрезаны... И 11 марта Добровольческий корпус, два донских и присоединившаяся к ним кубанская дивизия без директивы, под легким напором противника сосредоточились в районе станции Крымской, направляясь всей своей сплошной массой на Новороссийск. Катастрофа становилась неизбежной и неотвратимой.

Новороссийск тех дней, в значительной мере уже разгруженный от беженского элемента, представлял из себя военный лагерь и тыловой вертеп. Улицы его буквально запружены были молодыми и здоровыми воинами-дезертирами. Они бесчинствовали, устраивали митинги, напоминавшие первые месяцы революции, с таким же элементарным пониманием событий, с такой же демагогией и истерией. Только состав митингующих был иной: вместо «товарищей солдат» были офицеры. Прикрываясь высокими побуждениями, они приступили к организации «военных обществ», скрытой целью которых был захват в случае надобности судов... И в то же время официальный «эвакуационный бюллетень» с удовлетворением констатировал: «Привлеченные к погрузке артиллерийских грузов офицеры с правом потом по погрузке самим ехать на пароходах проявляют полное напряжение и вместо установленной погрузочной нормы 100 пудов грузят в двойном и более размерах, сознавая важность своей работы...».

Первое время ввиду отсутствия в Новороссийске надежного гарнизона было трудно. Я вызвал в город добровольческие офицерские части и отдал приказ о закрытии всех, возникших на почве развала военных «обществ», об установлении полевых судов для руководителей их и дезертиров и о регистрации военнообязанных. «Те, кто избегнут учета, пусть помнят, что в случае эвакуации Новороссийска будут отброшены на произвол судьбы...» Эти меры в связи с ограниченным числом судов на новороссийском рейде разрядили несколько атмосферу. А в городе царил тиф, косила смерть... Армии катились от Кубани к Новороссийску слишком быстро, а на рейде стояло слишком мало судов... Суда между тем прибывали. Появилась надежда, что в ближайшие 4–8 дней нам удастся поднять все войска, желающие продолжать борьбу на территории Крыма... Между тем Новороссийск, переполненный свыше всякой меры, ставший бук-

важно непроезжим, залитый человеческими волнами, гудел, как разоренный улей. Шла борьба за «место на пароходе» — борьба за спасение... Много человеческих драм разыгралось в эти страшные дни. Много звериного чувства вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым ворогом.

13 марта явился ко мне генерал Кутепов, назначенный начальником обороны Новороссийска, и доложил, что моральное состояние войск, их крайне нервное настроение не дают возможности оставаться дольше в городе, что ночью необходимо его оставить... Суда продолжали прибывать, но их все еще было недостаточно, чтобы поднять всех. Вечером 13-го штаб главнокомандующего, штабы Донской армии и донского атамана посажены были на пароход «Цесаревич Георгий». После этого я с генералом Романовским и несколькими чинами штаба перешли на русский миноносец «Капитан Сакен». Посадка войск продолжалась всю ночь. Часть добровольцев и несколько полков донцов, не попавших на суда, пошли береговой дорогой на Геленджик. Прошла бессонная ночь. Начало светать. Жуткая картина. Я взошел на мостик миноносца, стоявшего у пристани. Бухта опустела. На внешнем рейде стояло несколько английских судов, еще дальше виднелись неясные уже силуэты транспортов, уносящих русское воинство к последнему клочку родной земли, в неизвестное будущее...

В бухте мирно стояли два французских миноносца, по-видимому, не знавшие обстановки. Мы подошли к ним. В рупор была передана моя просьба:

— Новороссийск эвакуирован. Главнокомандующий просит вас взять на борт сколько возможно из числа остающихся на берегу людей.

Миноносцы быстро снялись и ушли на внешний рейд... В бухте — один только «Капитан Сакен».

На берегу у пристаней толпился народ. Люди сидели на своих пожитках, разбивали банки с консервами, разогревали их, грелись сами у разведенных тут же костров. Это бросившие оружие — те, которые не искали уже выхода. У большинства спокойное, тупое равнодушие — от всего пережитого, от утомления, от духовной протрации. Временами слышались из толпы крики отдельных людей, просивших взять их на борт. Кто они, как их выручить из сжимающей их толпы?.. Какой-то офицер с северного мола громко звал на помощь, потом бросился в воду и поплыл к миноносцу. Спустили шлюпку и благополучно подняли его. Вдруг замечаем — на пристани выстроилась подчеркнута стройно какая-то воинская часть. Глаза людей с надеждой и мольбой устремлены на наш миноносец. Приказываю подойти к берегу. Хлынула толпа...

— Миноносец берет только вооруженные команды...

Погрузили сколько возможно было людей и вышли из бухты. По дороге, недалеко от берега, в открытом море покачивалась на свежей волне огромная баржа, выведенная и оставленная там каким-то пароходом. Сплошь, до давки, до умопомрачения забита людьми. Взяли ее на буксир и подвели к английскому броненосцу.

...Очертания Новороссийска выделялись еще резко и отчетливо. Что творилось там?.. Какой-то миноносец повернул вдруг обратно и полным ходом полетел к пристаням. Бухнули орудия, затрещали пулеметы: миноносец вступил в бой с передовыми частями большевиков, занявшими уже город. Это был «Пылкий», на котором генерал Кутепов, получив сведение, что не погружен еще 3-й Дроздовский полк, прикрывавший посадку, пошел на выручку. Потом все стихло. Контур города, берега и гор обволакивались туманом, уходя в даль... в прошлое. Такое тяжелое, такое мучительное.

...На маленьком Крымском полуострове сосредоточилось все, что осталось от Вооруженных сил Юга России. Армия, ставшая под непосредственное мое командование, сведена была в три корпуса (Крымский, Добровольческий, Донской), Сводную кавалерийскую дивизию и Сводную кубанскую бригаду. Все остальные части, команды, штабы и учреждения, собравшиеся в Крым со всей бывшей территории Юга, подлежали расформированию, причем весь боеспособный личный состав их пошел на укомплектование действующих войск. Крымский корпус силою около 5 тысяч по-прежнему прикрывал перешейки. Керченский район обеспечивался от высадки со стороны Тамани сводным отрядом в 11, 5 тысячи (*сводная Кубанская бригада, Сводная Алексеевская бригада, Корниловская юнкерская школа*). Все прочие части расположены были в резерве, на отдыхе: Добровольческий корпус в районе Севастополя — Симферополя, донцы — в окрестностях Евпатории. Ставку я расположил временно в тихой Феодосии, вдали от кипящего страстями Севастополя. Ближайшая задача, возложенная на армию, заключалась в обороне Крыма.

Армия насчитывала в своих рядах 35–40 тысяч бойцов, имела на вооружении 100 орудий и до 500 пулеметов. Но была потрясена морально, и войска, прибывшие из Новороссийска, лишены были материальной части, лошадей, обозов и артиллерии. Добровольцы пришли поголовно вооруженными, привезли с собой все пулеметы и даже несколько орудий; донцы прибыли безоружными.

Противник занимал северные выходы из крымских перешейков по линии Геническ — Чонгарский мост — Сиваш-Перекоп. Силы его были невелики (5–6 тысяч), а присутствие в тылу отрядов Махно и других повстанческих банд сдерживало его наступательный порыв.

Со стороны Таманского полуострова большевики никакой активности не проявляли.

Движение главных сил Юга к берегам Черного моря советским командованием расценивалось как последний акт борьбы. Сведения о состоянии наших войск, о мятежах, поднимаемых войсками и начальниками, весьма преувеличенные, укрепляли большевиков в убеждении, что белую армию, припертую к морю, ждет неминуемая и конечная гибель. Поэтому операция переброски значительных сил в Крым, готовность и возможность продолжать там борьбу явились для советского командования полнейшей неожиданностью. На Крым не было обращено достаточно внимания, и за эту оплошность советская власть поплатилась впоследствии дорогой ценой.

...Расставался я и со своим верным другом И. П. Романовским. На место генерала Романовского начальником штаба я назначил состоявшего в должности генерал-квартирмейстера генерала Махрова.

... Я спросил генерала Кутепова о настроении добровольческих частей. Он ответил, что одна дивизия вполне прочная, в другой настроение удовлетворительное, в двух — неблагоприятно. Критикуя наши неудачи, войска, главным образом, обвиняют в них генерала Романовского. Кутепов высказал свое мнение, что необходимо принять спешные меры против собирающегося совещания и лучше всего вызвать ко мне старших начальников с тем, чтобы они сами доложили мне о настроении войск. Я взглянул на дело иначе: настало время выполнить мое решение. Довольно. В ту же ночь совместно с начальником штаба генералом Махровым я составил секретную телеграмму — приказание о сборе начальников на 21 марта в Севастополь на Военный совет под председательством генерала Драгомирова «для избрания преемника главнокомандующему Вооруженными силами Юга России».

...Вечер 22 марта. Тягостное прощание с ближайшими моими сотрудниками в Ставке и офицерами конвоя. Потом сошел вниз — в помещение охранной офицерской роты, состоявшей из старых добровольцев, в большинстве израненных в боях; со многими из них меня связывала память о страдных днях первых походов. Они взволнованы, слышатся глухие рыдания... Глубокое волнение охватило и меня; тяжелый ком, подступивший к горлу, мешал говорить. Спрашивают:

— Почему?

— Теперь трудно говорить об этом. Когда-нибудь узнаете и поймете...

Поехали с генералом Романовским в английскую миссию, откуда вместе с Хольменом на пристань. Почетные караулы и представители иностранных миссий. Краткое прощание. Перешли на английский

миноносец. Офицеры, сопровождавшие нас, в том числе бывшие адъютанты генерала Романовского, пошли на другом миноносце — французском, который пришел в Константинополь на 6 часов позже нас.

...Когда мы вышли в море, была уже ночь. Только яркие огни, усеявшие густо тьму, обозначали еще берег покидаемой русской земли. Тускнеют и гаснут.

Россия, Родина моя...

383. А. И. ДЕНИКИН:

Глубокоуважаемый Петр Николаевич,

Ваше письмо меня глубоко тронуло. В таком содружестве и чувства, и работы — источник сил и надежд в тяжелое время перемены боевого счастья. Но оно вернется, я в это глубоко верю. А Ваш душевный порыв, поверьте, нашел самый искренний отклик. От души желаю Вам счастья и успеха. А. Деникин.

Многие Ваши пожелания частью проведены, частью проводятся в жизнь. А. Д.

384. А. И. ДЕНИКИН:

Многоуважаемый Абрам Михайлович!

Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и ее историческое предназначение мною не потеряна, но внутренняя связь между Вождем и Армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственность власти и командование.

Уважающий Вас А. Деникин.

385. А. И. ДЕНИКИН:

Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета генералами Сидориным и Слащовым недопустимым. Число собравшихся безразлично. Требую от Военного Совета исполнения своего долга. Иначе Крым и Армия будут свергнуты в анархию.

Повторяю, что число представителей совершенно безразлично. Но если Донцы считают нужным, допустите число членов сообразно их организации.

386. Б. А. ШТЕЙФОН

...В ожидании прибытия главнокомандующего меня подозвал генерал Май-Маевский.

— Я знаю, что вы желаете командовать полком. Хотите получить Белозерский полк?

Белозерский полк входил в состав 3-й дивизии, и о нем я, как начальник штаба, имел точное представление. Один из старейших и славных полков императорской армии, он только лишь возродился. Просматривая накануне ведомость боевого состава дивизии, я точно запомнил боевой состав Белозерского «полка»: 62 штыка! Эта цифра быстро промелькнула в моей памяти.

— Разрешите, ваше превосходительство, подумать?

— Ну, подумайте. Даю вам пять минут на размышление.

За подобный срок я, конечно, ничего не мог «надумать». Я старался лишь прислушаться к тому внутреннему голосу, который в трудные моменты нашей жизни подсказывает нам то или иное решение. Через две минуты генерал Май-Маевский снова подозвал меня.

— Надумали?

Каким-то инстинктом я почувствовал в это мгновение, что Белозерский полк — это моя судьба, и, не колеблясь, ответил:

— Согласен, ваше превосходительство.

— Ну, вот и прекрасно. Я знаю полк давно. В нем всегда был прекрасный дух, и вы не будете сожалеть. Я доволен, что вы будете его командиром. Вот подходит поезд, и я сейчас доложу о вас главнокомандующему.

По-видимому, со стороны генерала Деникина никаких препятствий к моему назначению не было, так как тут же, на перроне, он поздравил меня командиром Белозерского полка.

...Несколько раз и генерал Кутепов, и генерал Деникин пытались воздействовать на генерала Май-Маевского и побудить его удалить от себя своего адъютанта¹. Советы первого, как подчиненного, не имели должного авторитета для командующего армией, а генерал Деникин, видно, не считал нужным пресечь решительными мерами все увеличивающийся соблазн. Сам Май-Маевский, быть может, в часы просветления и сознавал недопустимость своего поведения, но его ослабевшая воля уже не имела должных импульсов для сопротивления. Соблазн сверху постепенно про-

никал вниз. Беря пример с командующего, стали кутить офицеры, причем эти кутежи выливались зачастую в недопустимые формы. С растущим злом, конечно, боролись, но не теми систематическими и крутыми мерами, какие одни были уместны в тогдашних условиях жизни.

...Величайшей доблестью и бесконечными жертвами фронт восполнял недочеты организации, сбивал врага, двигался вперед, по пути самоформировался и через некоторое время переживал очередное бессилие. Полковые участки в 25–30 верст протяжением при составе в 800–1000 штыков почитались явлением нормальным... Самой роковой по последствиям ошибкой явилось то обстоятельство, что армия не усиливалась соответственно усирению масштаба борьбы...

387. П. С. МАХРОВ:

...Я еще раз доложил, что пора отдать приказ об эвакуации из Новороссийска гражданского населения, госпиталей, ненужных тыловых учреждений. Никаких возражений со стороны главнокомандующего не последовало.

— Вся суть в том, чтобы наши приказы были исполнены, — сказал генерал Деникин.

...25 февраля¹ для меня стало ясно, что отход за Кубань неизбежен. В этот день ген. Деникин отдал распоряжение об эвакуации из Новороссийска.

...Около 5 часов вечера поезд Главнокомандующего подошел к станции Новороссийск. На перроне был выстроен почетный караул от одного из полков Марковской дивизии. В стороне стояла группа военных и штатских представителей местных властей, прибывших встречать Главнокомандующего. Генерал Деникин вышел из вагона в сопровождении генерала Романовского и чинов его штаба и направился к караулу выровненного в «ниточку» и состоявшего, главным образом, из офицеров. Одеты они были в очень поношенные мундиры, но выглядели, тем не мене, аккуратными и подтянутыми и производили хорошее впечатление. Раздалась обычная команда:

— Слушай, на караул!

Отчетливо и бесшумно она была исполнена.

— Здравствуйте, славные марковцы! — громко произнес Главнокомандующий.

Дружный ответ:

— Здравия желаем Ваше Превосходительство!

Генерал Деникин обошел фронт и затем произнес:

— Благодарю, вас, марковцы, за вашу доблестную боевую службу.

Затем он отпустил караул...

...Командир «Цесаревича Георгия»² встретил генерала Деникина с подобающими воинским почестями. На палубе стоял генерал Богавевский и старшие офицеры штабов Главногокомандующего, атамана Донской армии. Вид у генерала Деникина был угрюмый и усталый. Поклонившись всем, Главногокомандующий последовал в отведенную ему каюту... Поведение многих из присутствующих генералов на этом собрании на меня произвело грустное впечатление. То, как с Деникиным говорили Барбович и другие, напоминало отношение прислуги в доме разорившегося барина. Между тем, три годы эти генералы были подчинены воле Главногокомандующего и относились к нему с почетом и уважением. Победителей не судят! А побежденным забывают былые победы, и ослы лягают их своими копытами. Таков неизменный закон психологии «черни», хотя и одетой в генеральские мундиры!

...Я отправился в соседнюю комнату к генералу Деникину. Главногокомандующий прочел доклад и ответил: «Приступайте к реорганизации военной части. Об остальном мы поговорим завтра»³... Я давно уже знал генерала Деникина еще по нашей совместной службе в 8-й армии генерала Брусилова. Мне доводилось его видеть в самых тяжелых условиях, всегда умеющего владеть собой. Само его присутствие заряжало других бодростью и рассеивало всякое уныние. Вот почему вид генерала Деникина меня поразил, и у меня мелькнула мысль, не произошло ли чего-либо серьезного. Поздоровавшись, Главногокомандующий протянул мне клочок бумаги, написанный карандашом, и сказал:

— Прочтите, и прошу немедленно разослать по назначению.

Я начал читать. Это был приказ о созыве Военного совета на 20 марта вечером под председательством генерала Драгомирова для выбора нового Главногокомандующего. Для меня это было настолько неожиданно и казалось столь опасным в данный момент, что невольно вырвалось:

— Да это ведь невозможно, Ваше Превосходительство!

Генерал Деникин, обычно приветливый, на этот раз мрачно и категорически возразил:

— Никаких разговоров. Мое решение бесповоротно, я все обдумал и взвесил. Я разбит морально и болен физически. Армия потеряла веру в вожда, я потерял веру в армию. Прошу исполнить мое приказание...

388. А. А. ФОН ЛАМПЕ:

Генерал Деникин правильно оценил создавшееся положение и пришел к заключению, что он обязан сложить с себя верховное руководство армией. Он созвал военный совет для выбора себе преемника.

Но члены военного совета отклонили выборы, как систему, которая сыграла исключительно отрицательную роль в разложении старой Русской Императорской армии. Они указали генералу Деникину, что единственным человеком, который, по их мнению, может спасти положение, является генерал Врангель. Генерал Деникин подчинился их решению, и назначив своим приказом генерала Врангеля своим преемником — Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России — удалился в Англию.

389. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

Я прибыл в Таганрог 23-го ноября совсем больной. Приступ лихорадки кончился, но слабость была чрезвычайная и разлилась желчь. С вокзала я проехал к генералу Деникину, который принял меня в присутствии начальника штаба. Главнокомандующий сразу приступил к делу: «Ну-с, прошу вас принять Добровольческую армию». Я заметил, то в настоящих условиях едва ли смогу оправдать оказываемое мне доверие, что предлагавшиеся мною ранее меры уже являются запоздалыми, что необходимые перегруппировки мы уже сделать не успеем и стратегического узла Харькова нам не удержать. Генерал Деникин перебил меня:

— Да, Харьков, конечно, придется оставить; это все отлично понимают, и оставление Харькова нисколько не может повредить вашей репутации.

Я довольно резко ответил, что забочусь не о своей репутации, а о том, чтобы выполнить то, что от меня требуется, и что не считаю себя вправе взяться за дело, которое невыполнимо.

— Ну, в таком случае все остается по-прежнему, — с видимым неудовольствием прервал меня Главнокомандующий.

В разговор вмешался генерал Романовский:

— Вашим отказом, Петр Николаевич, вы ставите Главнокомандующего и армию в самое тяжелое положение. Только что закончено сосредоточение нашей конницы в Купянском районе. Вы отлично понимаете, что руководить такой крупной конной массой, кроме вас, никто не может. При этих условиях вы не имеете права отказываться от этого назначения.

Слова генерала Романовского несколько поколебали меня.

— Я прошу разрешения подумать. Во всяком случае, я считаю совершенно необходимым дать мне возможность выбрать своих ближайших помощников, в частности, во главе конницы должен быть

поставлен хороший кавалерийский начальник. Пока конной группой руководит генерал Мамонтов, от конницы ничего требовать нельзя.

Генерал Деникин заметил, что замена генерала Мамонтова другим лицом может обидеть донцов. Однако, после возражения моего, что после намеченной Главнокомандующим переброски из Кавказской армии еще одной конной дивизии, в конной группе будет более половины кубанцев, генерал Деникин согласился, в случае принятия мною армии на замену генерала Мамонтова генералом Улагаем.

Я вернулся к себе в вагон, где застал генерала Шатилова, успевшего побывать в управлении генерал-квартирмейстера и подробно ознакомиться с общей обстановкой. В боевом составе Вооруженных сил Юга России на 2000-верстном фронте числилось около ста тысяч человек; кроме того в распоряжении Главнокомандующего имелось еще около тридцати тысяч человек пополнений. Силы красных на всем фронте против Вооруженных сил Юга России составляли около 170–180 тысяч штыков и сабель при 700–800 орудиях.

...В штабе главнокомандующего все надежды возлагались на конную группу. Правда, кубанские и терские части, ведшие в течение многих месяцев непрерывные бои и получавшие лишь ничтожные пополнения, сильно пострадали; зато донские полки были совершенно свежими, большой численности и имели прекрасный конский состав. В штабе, видимо, еще надеялись, что удачными действиями нашей конницы дело можно исправить, нанеся противнику один сокрушительный удар, вырвать у него из рук инициативу. Последней директивой Главнокомандующего (№ 0105192 от 14-го ноября), всем армиям были поставлены задачи наступательного характера. Несмотря на то, что не только наше наступление не получало должного развития, но противник непрерывно теснил наши войска на всем фронте Вооруженных сил Юга, упомянутая директива Главнокомандующего все еще оставалась в силе.

...Генерал Романовский стал убеждать меня дать согласие на принятие предложенного мне назначения.

— Я сейчас уезжаю в Ростов. Позвольте мне, Петр Николаевич, перед отъездом успокоить Главнокомандующего. Ваш отказ ставит нас в почти безвыходное положение. Генерал Май-Маевский с делом окончательно справиться не может...

— О чем же вы раньше думали? Что генерал Май-Маевский не годен — об этом давно знают все. Вы знаете, что я сам не раз предлагал помочь, пока еще не было поздно. Правда, тогда еще положение казалось не безнадежным, и воспользоваться моей помощью Главнокомандующий не пожелал. Вы помните, как весною я указывал на необходимость бить противника на Царицынском

направлении, предупреждал о том, что, если мы этого не сделаем, противник сам обрушится на нас. Тогда меня даже слушать не хотели, а когда мои предсказания сбылись, меня же призвали спасать положение...

— Стоит ли говорить о прошлом. Будем думать о настоящем. Сейчас положение таково, что Главнокомандующий вправе требовать от вас жертвы; конечно, эту жертву вы принесете не ему, а России.

Я решился.

— Хорошо, я согласен. Однако, я ставлю условием, чтобы мне была дана возможность выбрать главных моих помощников. Я уже докладывал Главнокомандующему, что доколе во главе конницы будет стоять генерал Мамонтов, конница будет уклоняться от боя и заниматься только грабежом. Я прошу немедленно вызвать для принятия конной группы генерала Улагая... Мне должно быть дано право заменить их лицами по моему усмотрению.

Видимо, крайне довольный исторгнутым от меня согласием, генерал Романовский заранее на все согласился, заверив меня, что Главнокомандующий препятствовать моим пожеланиям не будет и просил моего разрешения немедленно известить генерала Деникина запиской о моем согласии.

...На утро я вторично был у Главнокомандующего. Генерал Романовский успел, видимо, с ним поговорить, и затронутые мной накануне вопросы были все утвердительно разрешены... Прежде чем откланяться, я спросил генерала Деникина, кого он намечает моим преемником на должность командующего Кавказской армией.

— Этот вопрос уже решен. Командующим Кавказской армией назначается генерал Покровский, — ответил генерал Деникин.

Я заметил, что едва ли генерал Покровский как командующий армией окажется на высоте — ни опыта, ни достаточных знаний для этого у него нет.

— Ну, какая там армия, там и войск-то едва на корпус хватит. Да и у противника теперь там силы ничтожны, — Генерал Деникин помолчал. — Вот начальника штаба ему надо дать соответствующего. Как вы думаете, генерал Зигель (генерал-квартирмейстер Кавказской армии) подойдет?

Я ответил, что считаю генерала Зигеля¹ прекрасным офицером, вполне к должности начальника штаба подготовленным.

— А что, он человек честный?

— Насколько я его знаю, ваше превосходительство, это в высшей степени порядочный офицер.

— Ну, прекрасно, по крайней мере, он не даст Покровскому обобрать армию, как липку...

Жутким недоумением отозвались в душе моей слова Главнокомандующего.

...Армия развращалась. Подвижные запасы частей, по мере продвижения на север, быстро увеличивались, обозов не хватало и, при благосклонном попустительстве свыше, под захваченное добро брались подвижные составы. Некоторые части занимали под полковые запасы до двухсот вагонов. С началом отхода награбленное добро поспешно увозилось в тыл, забывая железнодорожные узлы, нарушая и осложняя график важнейших воинских перевозок... Я принял ряд мер для наведения порядка в тылу. На узловых станциях Кременное, Лиман, Лозовая были учреждены особые комендатуры во главе с генералами или штаб-офицерами, при коих состояли особые военно-полевые суды. Все следующие на юг эшелоны осматривались. Имущество разбиралось и бралось на учет, из боеспособных воинских чинов формировались маршевые команды для отправки на фронт. Уличенных в грабежах, ослушников и дезертиров было приказано немедленно предавать суду и, по утверждению приговора комендантом, таковой приводить в исполнение. Несколько офицеров генерального штаба было послано для производства рекогносцировки позиций — узлов сопротивления, должностяующих прикрыть узлы железных и грунтовых дорог станций Лиман — Боровенково — Ледовая.

Распределялись санитарные, интендантские и артиллерийские учреждения.

...2-го декабря штаб генерала Драгомирова оставил Киев. Войска его еще удерживали восточные головы мостов через Днепр, 4-го декабря войска Киевской и Новороссийской областей были объединены в руках генерала Шиллинга.

...Несмотря на подавляющую численность противника и тяжелые условия отхода, добровольческие полки дрались героически, 5-й конный корпус после боя отошел в район села Водолага...Конница конной группы становится совершенно небоеспособной. Малочисленная по сравнению с кавалерийской армией противника, она совершенно потеряла сердце, разлагается с каждым днем все больше и больше. Обстановка слагалась все более грозно, повелительно диктуя срочное принятие главным командованием общих крупных решений. Последняя директива Главнокомандующего являлась явно запоздалой. В ставке, видимо, все еще не отдавали себе ясного отчета в положении. Я телеграфировал Главнокомандующему, прося разрешения прибыть с докладом.

В подробном рапорте на имя генерала Деникина я, не щадя красок, с полной правдивостью высказывался о нашем стратегическом поло-

жении, указывал на ошибки, послужившие причиной к настоящему развалу и намечал некоторые меры, которые, по моему мнению, в предвидении новых грозных событий, надлежало принять... Зная, что Главнокомандующий все еще не учитывает всей тяжести нашего положения и упорно не допускает мысли о возможности дальнейших крупных успехов противника, я боялся, что многие из намеченных мною мер — эвакуация Ростова и Таганрога, спешное оборудование в тылу укрепленных узлов сопротивления и прочее, запоздают. Для воздействия на генерала Деникина со стороны его ближайших помощников я направил копии своего рапорта одновременно обоим помощникам Главнокомандующего генералам Романовскому и Лукомскому. Доверительно ознакомил я с содержанием рапорта и Н. В. Савича², прося его повлиять на Главнокомандующего, дабы необходимые меры по укреплению тыла были бы своевременно приняты.

Я взял с собой в Таганрог начальника штаба. Генерал Деникин принял нас в присутствии генерала Романовского. Войдя, я передал Главнокомандующему и начальнику его штаба упомянутый выше рапорт и просил генерала Деникина внимательно прочесть его, прежде чем выслушать мой доклад. Главнокомандующий, придвинувшись к лампе, стал читать. Я наблюдал за ним. Его лицо поразило меня. Оно казалось каким-то потухшим, безнадежно подавленным. Окончив чтение, он безнадежно положил рапорт на стол и тихим, упавшим голосом сказал: «Что же делать, а все-таки надо продолжать...»

— Конечно, ваше превосходительство, надо продолжать и надо сделать все возможное, чтобы вырвать победу из рук врага, но прежде надо принять определенное решение. Противник, действуя вразрез между моей армией и донцами, стремится отбросить мою армию и прижать ее к морю. Конница генерала Улагая совершенно небоеспособна. Если вы прикажете армии отходить на Дон, на соединение с донцами, войскам придется совершить труднейший фланговый марш, все время под ударами врага. Другое решение — прикрыть армией Крым и отводить мои войска на соединение с войсками Новороссии...

Генерал Деникин оживился:

— Этот вопрос я уже решил в своем сердце, — твердо сказал Главнокомандующий, — я не могу оставить казаков. Меня обвинят за это в предательстве. Ваша армия должна отходить с донцами.

Задав несколько второстепенных вопросов, Главнокомандующий, видимо тяготясь разговором, отпустил меня. Мы вышли с генералом Шатиловым.

— Какое впечатление вынес ты из нашего разговора? — спросил я.

Генерал Шатилов развел руками:

— По моему, они окончательно растеряны...

Мне стало бесконечно жаль генерала Деникина; что должен был испытать этот человек, видя крушение того здания, которое с таким трудом он столько времени возводил и в прочность которого несомненно верил. Как одиноко должен был он чувствовать себя в эти тяжелые дни, когда, по мере того, как изменяло ему счастье, отворачивалось от него большинство тех, кто еще недавно кадил ему. В эти дни лишь твердость, решимость и спокойствие духа вождя могли спасти положение. Это спокойствие духа, эту твердость мог иметь лишь вождь, не потерявший веру в свои войска, убежденный в том, что и они ему верят. Нравственная поддержка Главнокомандующего его ближайшими сотрудниками должна была быть в эти дни, казалось мне, особенно ему необходима...

Все яснее становилось, что справиться с грозным положением ставка не сумеет. Я высказал мои опасения генералу Сидорину. Последний, весьма раздраженный на ставку, сваливал всю вину на ближайших помощников Главнокомандующего, генералов Плющевского-Плющик³ и Романовского... Добровольческие полки отходили в чрезвычайно тяжелых условиях, по колено в снегу и грязи. Лошади артиллерии и обозов выбивались из сил и падали. Многочисленные, орудовавшие в тылу шайки восставших крестьян нападали на отсталых и одиночных людей... Казалось, Главнокомандующий в полной мере оценивал мое побуждение. Однако в тот же день, несколькими часами позже, я получил телеграмму, адресованную всем командующим армиями, где указывалось, что некоторые начальники позволяют себе предъявлять требования в недопустимой форме, грозя уходом, что подобные обращения недопустимы и Главнокомандующий требует от подчиненных беспрекословного повиновения.

Это был ответ на поданные мною рапорты.

Полтора месяца позже в Новороссийске генерал Лукомский говорил мне, что, получив копию моего рапорта Главнокомандующему от 9-го числа, он во время очередного доклада генералу Деникину заговорил о необходимости, ввиду приближения к Таганрогу и Ростову фронта, начать эвакуацию этих городов.

Генерал Деникин насторожился:

— Видно вы также получили от генерала барона Врангеля копию того рапорта, который он подал мне, стоит только посмотреть на мой экземпляр, как убедишься, что с него снято несколько копий. Генерал Деникин впоследствии не мог простить мне того, что рапорт мой, указывавший на ошибки главного командования, стал известен

хотя бы его ближайшим помощникам. Он готов был подозревать меня в намеренном размножении этого рапорта с целью дискредитирования его политики и стратегии. Об этом впоследствии писал мне сам генерал Деникин...

По мере приближения фронта к Таганрогу и Ростову тревога и недовольствие в тылу росли. Все громче раздавались голоса, обвинявшие Главнокомандующего в катастрофе. Враждебными элементами недовольствие это усиленно муссировалось, распространялись слухи о «готовящемся перевороте». Информации «вверх» Освага спешили об этом донести. Я сознавал, что дальше так продолжаться не может, что при отсутствии должного доверия между Главнокомандующим и его ближайшими сотрудниками работа невозможна...

...По данным разведывательного отделения, к этому времени Добровольческая армия имела в данный момент перед собой части трех советских армий. Общая численность: 23–32 тыс. штыков, 9–10 тыс. сабель и 122–153 орудия. Против этих сил держалась горсть людей, измотанных многоверстным отступлением, жестокими непрерывными боями и всевозможными лишениями. Параллельно преследуемые красной конницей отходили Добровольческие полки, увозя с собою своих раненых. Артиллерия и обозы вязли в непролазной грязи, их с трудом приходилось вытаскивать войскам. Люди сутками не спали и не ели, однако, несмотря на все лишения, руководимые железной рукой генерала Кутепова, полки сохраняли высокий боевой дух.

Главнокомандующий, видимо, обеспокоенный общей обстановкой, опасался, что я, вопреки полученному приказанию, буду все же отходить на Крым. Генерал Романовский последние дни несколько раз вызывал меня и начальника штаба к аппарату, передавая требование генерала Деникина, невзирая на все препятствия, во что бы то ни стало Добровольческую армию отводить на соединение с донцами... Получив согласие Главнокомандующего, я выехал в Таганрог. Генерал Деникин на этот раз принял меня один, генерала Романовского не было. Выслушав мой доклад о положении на фронте, генерал Деникин заговорил о том, что он наметил, соединение моей армии с Донской, Добровольческую армию свести в корпус.

— В дальнейшем придется объединить командование Донской армией и Добровольческого корпуса. Большинство частей будет донских. Новочеркасск — столица Дона, и донцы, конечно, будут настаивать, чтобы общее командование было их, донское. Придется объединить командование в руках генерала Сидорина.

Генерал Деникин как будто искал доказательств необходимости такого решения. Я считал решение это совершенно правильным, о чем

и сказал Главнокомандующему. Вместе с тем, я просил его верить, что в настоящие тяжелые дни я готов принять на себя любую задачу, которую ему угодно было бы на меня возложить.

— Если почему-либо мне в армии дела не найдется, то я, быть может, могу быть полезным в тылу; наконец, ежели бы вы признали нужным отправить кого-либо в Англию, то и там...

— Ну, нет, — сказал генерал Деникин, — конечно, вам дело здесь найдется. Мы вас не выпустим, — улыбаясь добавил он.

— Ваше превосходительство, разрешите мне с полной искренностью коснуться одного личного вопроса. Я ясно чувствую с вашей стороны недоверие и недоброжелательство. Я бы хотел знать, чем оно вызвано.

— С моей стороны? Помилуйте! Если оно есть, то конечно, только с вашей. Я со своей стороны, особенно в начале, шел к вам со всей душой. Вы меня всячески старались оттолкнуть. Ваши донесения облекались в такую форму, что я вынужден был скрывать их от подчиненных. С моей же стороны вы не можете указать ничего подобного.

— Это не совсем так, ваше превосходительство, возьмите хотя бы вашу последнюю телеграмму о запрещении командующим армиями съехаться в Ростов. Чем иным, кроме недоверия к вашим помощникам, могу я ее объяснить. Что же касается моих донесений, то, если они и были подчас резкими, то это только от того, что я болезненно переживал все горести моих войск.

Генерал Деникин встал:

— Оставим все это, — сказал он, протягивая мне руку.

Мы расцеловались. Однако я ясно почувствовал, что наше объяснение ничего не разъяснило. Генерал Деникин просто хотел скорее кончить тягостный для него разговор.

...Тяжелый, многосторонний фланговый марш моих войск был закончен. Армия выполнила почти невыполнимую задачу и, отразив все удары подавляющего по численности врага, вышла на соединение с донцами. Труднейшая операция эта — редкий пример в истории военного искусства. Выполнить ее могли лишь войска исключительной доблести.

...Поздно ночью я прибыл в Ростов. На утро Главнокомандующим назначено было совещание в его поезде. Ждали приезда из Новочеркасска генерал Сидорина. Вскоре поезд командующего Донской армией прибыл, и я с генералом Шатиловым зашел к генералу Сидорину, чтобы вместе идти к Главнокомандующему. Я застал у него в вагоне начальника его штаба генерала Кельчевского⁴. Генерал Сидорин возмущался действиями штаба Главнокомандующего,

жестоко обвиняя и генерала Деникина, и генерала Романовского. По его словам, со стороны ставки всякое руководство отсутствовало. Подходившие со стороны Таганрога эшелоны совершенно забили железнодорожный путь, и эвакуация Новочеркаска приостановилась. Весьма раздраженный, он выражался очень резко. Возмущался и генерал Кельчевский:

— Да что тут говорить. Достаточно посмотреть, до чего нас довели. Раз они с делом справиться не могут, то остается одно — потребовать, чтобы они уступили место другим.

— Сейчас ничего требовать нельзя, — возразил я, — если сегодня что-либо потребуете вы, то завтра всякий другой будет иметь право предъявить свои требования вам. Для меня, как и для вас очевидно, что генерал Деникин не в силах остановить развал, справиться с положением; но я считаю, что насильственное устранение главы армии его подчиненными в те дни, когда на фронте борьба, было бы губительно. Спасти положение мог бы только сам генерал Деникин, если бы он осознал, что с делом справиться не в силах и добровольно бы передал другому. Но об этом нет речи...

Через три месяца генерал Деникин это сделает. Но спасти дело уже было нельзя.

Нам доложили, что Главнокомандующий нас ждет... Главнокомандующий ознакомил нас с общим положением и принятыми им решениями. Войска отводились на намеченную Главнокомандующим позицию (укрепленная эта позиция существовала лишь на бумаге, значение ее было чисто «психологическое», как выразился Главнокомандующий). Добровольческая армия сводилась в корпус. Общее командование войсками на Новочеркасской и Ростовской позициях вручалось генералу Сидорину. На меня возлагалась задача объявить «сполох» на Кубани и Тереке и спешно формировать там казачью конницу. Тыловые учреждения Добровольческой армии подлежали реформированию и передаче корпусу генерала Кутепова.

...Я написал армии прощальный приказ. В нем, дабы разъяснить нелепые толкования оставления мною командования армией, я упоминал о том, что Главнокомандующий возложил на меня задачу собрать на помощь истекающим кровью войскам старых моих соратников — казаков. Я говорил о том, что я стал во главе армии в грозные дни измены нам боевого счастья: «С тех пор», — писал я, — «вы шли по колено в грязи, в холод, вьюгу и в непогоду, отбивая удары во много раз сильнее врага». В заключение я благодарил начальников и войска за проявленную стойкость и мужество. Я решил до объявления приказа войскам показать его Главнокомандующему и 21-го декабря

проехал к нему на станцию Нахичевань, где стоял его поезд. Генерал Деникин приказ одобрил, ему лишь не понравилась фраза: «с тех пор вы шли...»

— Вот, только это неладно, как будто до вас они ничего не сделали, это может им показаться обидным.

Я тут же вычеркнул из приказа слова: «с тех пор...»

Перед отъездом я зашел в вагон к генералу Романовскому. Он был не совсем здоров, простужен. Казался усталым и угрюмым. В разговоре я, между прочим спросил его:

— Отдает ли себе Главнокомандующий ясный отчет в том, насколько наше положение грозно.

— Что же вы хотите, не может же Главнокомандующий признаваться в том, что дело потеряно, — уклончиво ответил он.

Среди паники, охватившей город, общего неудовольствия, беспорядка и растерянности, я выехал в Екатеринодар...

...В Крыму переброшено было, включая тыл, около двадцати пяти тысяч добровольцев и до десяти тысяч донцов. Последние прибыли без лошадей и без оружия. Даже большая часть винтовок была при посадке брошена. Казачьи полки были совершенно деморализованы. Настроение их было таково, что генерал Деникин, по соглашению с Донским атаманом генералом Богаевским и командующим Донской армией генералом Сидориным, отказался от первоначального намерения поручить донским частям оборону Керченского пролива и побережья Азовского моря и решил немедленно грузить их на пароходы и перебросить в район Евпатории, отобрав от полков последнее оружие. Добровольческие полки прибыли также в полном расстройстве. Конница без лошадей, все части без обозов, артиллерии и пулеметов. Люди были оборваны и озлоблены, в значительной степени вышли из повиновения начальников. При этих условиях и Добровольческий корпус боевой силы в настоящее время не представлял. Фронт удерживался частями генерала Слащева, сведенными в Крымский корпус. Корпус состоял из бесчисленного количества обрывков войсковых частей, зачастую еще в зародыше, отдельных штабов и нестроевых команд. Всего до пятидесяти отдельных пехотных и кавалерийских частей. При этом боевой состав корпуса не превышал 3500 штыков и 2000 шашек. Общая численность противника на фронте генерала Слащева — XIII-й советской армии была до 6000 штыков и 3000 шашек. При этих условиях, сил у генерала Слащева для обороны перешейков было достаточно, однако, сборный состав его частей и их слабая подготовка и, отмеченное нашей разведкой, постоянное усиление противника, заставляло считать наше положение далеко не устойчивым.

Я застал генерала Драгомирова в Большом дворце. Через час должно было открыться заседание военного совета, и он спешил ознакомить меня в общих чертах с последними событиями. Собранное накануне совещание оказалось чрезвычайно многочисленным. Несмотря на все усилия генерала Драгомирова, определенного решения добиться не удалось. Значительное число участников совещания решительно отказалось обсуждать вопрос о назначении преемника Главнокомандующего, считая недопустимым введение в армию принципа выборного начала и полагая, что преемник генерала Деникина должен быть назначен приказом последнего. Генерал Слащев, под предлогом необходимости его присутствия на фронте от дальнейшего участия уклонился и выехал из Севастополя; с ним уехали и представители Крымского корпуса. После совещания генерал Драгомиров донес по аппарату в Феодосию, где оставался генерал Деникин, о результатах первого совещания и высказанном последним пожелании. Однако генерал Деникин решительно отказался от назначения себе преемника, подтвердив свое требование о выборе нового Главнокомандующего военным советом. Со своей стороны я считал совершенно недопустимым выбор нового Главнокомандующего его будущими подчиненными и единственно правильным назначение такового самим генералом Деникиным... генерал Драгомиров был вызван к аппарату генералом Деникиным. Последний справлялся о том, известно ли мне новое политическое положение и постановление утреннего совещания. Получив утвердительный ответ, генерал Деникин сообщил, что им отдается приказ о назначении меня его преемником.

390. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

Глубокоуважаемый Антон Иванович!

В настоящую грозную минуту, когда боевое счастье изменило нам и обрушившаяся на нас волна красной нечисти готовится, быть может, поглотить тот корабль, который Вы, как кормчий, вели сквозь бури и невзгоды, я, как один из тех, кто шел за Вами почти сначала, на этом корабле, нравственно считаю себя обязанным сказать Вам, что сердцем и мыслями чувствую, насколько сильно должны Вы переживать настоящее испытание судьбы. Если Вам может быть хоть малым утешением сознание того, что те, кто пошел за Вами, с Вами вместе переживают и радости, и горести, то прошу Вас верить, что и сердцем, и мыслями я ныне с Вами и рад всеми силами помочь Вам.

П. Врангель.

391. А. Я. СЛАЩЁВ-КРЫМСКИЙ:

Время шло. Началась кошмарная новороссийская эвакуация, при которой Деникин бросил свою армию на произвол судьбы и на милость победителя. Сам он совершенно пал духом и ни к чему не годился; имя его произносилось с проклятиями...

Деникин прибыл в Феодосию около 29 марта. Я ожидал, что он вызовет меня, желая ознакомиться с положением на фронте, но вызова не последовало. А вместо этого я получил телеграмму, в которой объявлялось об уходе Деникина и назначении совещания из представителей от корпусов для выбора нового главнокомандующего. Я ответил на это, что выборное начало в моей голове не укладывается и что заместитель должен быть назначен им самим. Одновременно я просил разрешения приехать к нему в Феодосию. Надо же было мне поговорить с Деникиным раньше, чем решиться вызывать Врангеля. Деникин ответил мне приказом ехать на совещание.

Совещание состоялось 3 апреля, и в это время красные предприняли набег на Перекоп, но, потеряв два орудия, перешли на Чаплинку. Поздно вечером 3 апреля я прибыл на совещание и, наотрез отказавшись голосовать, уехал на фронт. Выборы были сорваны. На вопрос Драгомирова, кто же мог бы быть назначен Деникиным, ответил: «Думаю, что Врангель».

392. Г. Н. РАКОВСКИЙ:

В эти часы Добровольческая армия оставляла Курск. Когда приехал главнокомандующий и все прибыли в штаб, Деникин первым долгом обратился к Май-Маевскому с приказанием доложить о положении на фронте. Все пошли в оперативное отделение. Оказалось, что нет карты. Май-Маевский заявил, что карта находится на вокзале, где, по его предположениям, должно было состояться совещание. Больше часа ожидали участники совещания, пока привезут карту, так как фактически на чинов штаба, на командующего, на все оперативное отделение была только одна карта, которой все и пользовались. На участников совещания эта маленькая, но весьма характерная деталь произвела весьма тяжелое впечатление. Долго ждали карты... Деникин начинал уже возмущаться задержкой. После часового ожидания он приказал осветить общую обстановку генералу Романовскому... После этого Деникин предложил более детально осветить положение на фронте Добровольческой армии генерал-квартирмейстеру штаба

этой армии полковнику Гоерцу, из доклада которого сразу же выяснилось, как мало осведомлен штаб о положении на фронте, о расположении частей, даже приблизительном. Когда начался подсчет сил противника на основании сведений, добытых разведкой, то чины штаба Добровольческой армии обнаружили свое полное незнание, кто перед ними и в каком числе воюет. Из этого доклада можно было сделать один вывод: фронт Добровольческой армии сбит и отходит в полном беспорядке, потому что нельзя было иначе допустить, что никто не знает местонахождения многих частей, хотя условия связи благодаря хорошо развитой железнодорожной сети были весьма удовлетворительны.

393. С. М. БУДЁННЫЙ:

...Офицерский полк с гиком и свистом прорвался через слабую цепь 19-го полка и устремился вперед. И в этот момент блестящий пример хладнокровия и мужества проявил начальник 4-й кавалерийской дивизии Городовиков¹. Пропустив вперед зарвавшийся полк белых, он приказал всем пулеметчикам и конноартиллерийскому дивизиону открыть в упор огонь по главным силам атакующего противника. Это приказание было немедленно выполнено. Исключительно четко работали наши артиллеристы и пулеметчики. Десятками замертво ложились белоказаки на истоптанную тысячами копыт сырую весеннюю степь. Понеся огромные потери, противник отпрянул назад, а затем покатился к Егорлыкской. Зарвавшийся офицерский полк белых был полностью изрублен.

...Части разбитых донских корпусов, лишённые единого и твердого командования, рассыпались на группы, бросали орудия и пулеметы, бросали больных и раненых бросали исхудалых, выбившихся из сил лошадей. Наши любители сравнений говорили, что деникинская армия в это время была похожа на армию Наполеона, бежавшую в 1812 году по старой Смоленской дороге. Разница была лишь в том, что французы бежали на запад в зимнюю стужу, а деникинцы на юг в весеннюю распутицу... На Южном фронте, усиленная двумя стрелковыми дивизиями, Конармия, будучи ударной группой войск, мастерски решила основную оперативно-стратегическую задачу главного командования по разъединению деникинских войск на две изолированные группировки. На Кавказском фронте, в тесном взаимодействии с пехотой 10-й армии, она разгромила наиболее боеспособные силы Деникина и тем самым решающим образом способствовала окончательной победе советских войск.

394. Х. УИЛЬЯМСОН:

Дела на фронте, однако, шли все хуже и хуже, и деникинская стратегия, на ошибки которой ему так часто указывали, стала приносить свои губительные плоды... Деникин — сам по себе чуткий, решительный и рассудительный человек — был храбрым и честным, но он был плохим оратором и никогда не мог воздействовать на воображение войск. Кроме того, у него не было командного вида, и ему недоставало той не поддающейся описанию вещи, которая захватывает воображение и возбуждает душу, — своим успехом он был обязан только упорному труду. Он также был патологически чувствителен по отношению к аристократам, придворным и офицерам бывшей императорской гвардии и щепетилен при защите своего достоинства от проявления пренебрежения со стороны этих лиц, которое часто было плодом его воображения. Многие из окружавших его людей не любили воевать, и эти люди, одетые в абсурдные мундиры, при шпорах и кружевах, изо всех сил старались избегать работы. Но хоть и была у Деникина сильная воля и сам он был несгибаем, он выказывал необъяснимое отсутствие решительности в отношении этих лиц. Сам по натуре настоящий солдат, он, похоже, не осмеливался потребовать чего-либо от своих подчиненных. Кроме этого, тиф вместе с тяжелыми боями начал наносить большие потери его войскам, а мелкая ревность и интриги стали занимать умы слишком многих его военачальников. Помимо этого, общее поведение войск — как офицеров, так и рядовых — в тыловых районах, где их оставалось слишком много, быстро охладило симпатии крестьян и рабочего класса, и это охлаждение усердно поддерживалось неутомимой германской и большевистской пропагандой, и все более росло подозрение, что Деникин и его начальник штаба Романовский, хотя и не боровшиеся в действительности за реставрацию монархии, в конечном итоге восстановят многие злоупотребления и деспотические институты, которые вызвали падение старого режима.

...Было ясно, что ничто не может спасти Деникина и его силы, и оставалось лишь принять все возможные меры для защиты эвакуации его беженцев, складов и войск позади линии обороны Новороссийска, на которую британцы затратили столько хлопот. Был вызван на помощь Королевский военно-морской флот...Новороссийск, когда на него обрушился поток беженцев и разбитых полков, превратился в огромный лагерь несчастных голодных людей, приводящих местное население в ужас. Деникин был бессилен и даже ежедневно подвергался риску захвата, когда его поезд медленно пробивался

через море людей, лошадей и машин. Во время долгого отступления погибло свыше 200 000 мужчин, женщин и детей от тифа и обморожения, целые поезда, включая их команды, умирали от лихорадки и холода...Деникин полностью утратил контроль над своими разбросанными силами и в результате потерял поддержку как военных, так и гражданских элементов населения. Он фактически сам чуть ли не оказался пленником под Новороссийском, когда его поезд почти налетел на красные войска. Он явно проиграл, но это был храбрый человек, и все, кто его знал, испытывали к нему высочайшее уважение за его целеустремленность и за прямолинейный, пусть и неудачный, метод воплощения цели в жизнь. Он уже уехал, обвиняемый теми, кто не поддерживал его, в дезертирстве и трусости.

395. А. И. ДЕНИКИН:

Семь месяцев тому назад тяжелая обстановка, создавшаяся в районе Задонья, заставила меня большую часть конницы перебросить на Царицынское направление и сформировать там Кавказскую армию. Высоко ценя кавалерийское сердце, знание конницы и опыт в руководстве ею, я назначил генерал-лейтенанта барона Врангеля командующим этой армией. Ныне, в силу той же неумолимой обстановки, конница главной массой собирается на фронте Добровольческой армии, и, дабы она была в умелых и опытных руках, я вынужден отозвать генерал-лейтенанта барона Врангеля от командования созданной им Кавказской армии и назначить командующим Добровольческой армией и главноначальствующим Екатеринославской, Курской и Харьковской губерний.

Приношу свою глубокую благодарность Вам, высокоуважаемый Петр Николаевич, за ту трудную и блестящую работу, которую выполнила Кавказская армия под Вашим командованием за первые семь месяцев своего существования и желаю Вам таких же успехов на новой должности командующего Добровольческой армией.

Генерал-лейтенант Деникин.

396. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

Армия разваливается от пьянства и грабежей. Взыскивать с младших не могу, когда старшие начальники подают пример, оставаясь безнаказанными. Прошу отчисления от командования корпусом генерала Шкуро, в конец развратившего свои войска.

Генерал Врангель.

397. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

Командующий Добровольческой армией.
Главкомандующему Вооруженными Силами Юга России.

Рапорт

Прибыв 26-го ноября в Добровольческую армию и подробно ознакомившись с обстановкой на этом, в настоящее время главнейшем участке общего фронта Вооруженных Сил Юга России, долгом службы считаю доложить следующее:

Наше настоящее неблагоприятное положение явилось следствием, главным образом, двух основных причин: 1. Систематического пренебрежения нами основными принципами военного искусства; 2. Полного неустройства нашего тыла.

Еще весной 1919 года, рапортом от 4-го апреля за № 82, я, указывая на значение для нас при тогдашней обстановке Царицынского направления, докладывал, что «при огромном превосходстве сил противника, действия одновременно по нескольким операционным направлениям являются для нас невозможными». По занятии Кавказской армией Царицына, мною и бывшим тогда начальником штаба Кавказской армии генералом Юзефовичем были одновременно поданы два рапорта, где, предостерегая от дальнейшего расширения нашего фронта, мы указывали на необходимость, заняв короткий и обеспеченный на флангах крупными водными преградами фронт Царицын — Екатеринослав, сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу в 3–4 корпуса для действий на кратчайшем к Москве направлении.

В ответ на наши рапорты на совещании в Царицыне мне и генералу Юзефовичу было указано, что наше предложение вызвано «желанием первыми войти в Москву».

Наконец, когда в последнее время противник, сосредоточив крупные силы на Орловском направлении, стал теснить Добровольческую армию, генерал Романовский телеграммой от 17-го октября за № 014170 запросил меня, какие силы я мог бы выделить из состава Кавказской армии для переброски на Добровольческий фронт; я, телеграммой от 18-го октября за № 03533, ответил, что «при малочисленности конных дивизий переброской одной-двух, дела не решить», и предложил принять крупное решение — «перебросить из вверенной мне армии 3, 5 кубанских дивизии».

Предложение мое было отвергнуто и было принято половинчатое решение — из состава Кавказской армии перебросено лишь две дивизии.

Дальнейшая обстановка вынудила прийти к предложенному мной решению, и ныне из Кавказской армии взято именно 3,5 дивизии, но время утеряно безвозвратно. Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми.

Между тем в противоположность нам большевики придерживались принципа полного сосредоточения сил и действий против живой силы врага. В то время, как продвижение Кавказской армии к Саратову создало угрозу коммуникациям восточного большевистского фронта, красное командование спокойно смотрело на продвижение наших войск к Курску и Орлу и неукоснительно проводило в жизнь план сосредоточения сил в районе Саратова, с тем, чтобы обрушившись на ослабленную тысячеверстным походом и выделением большого числа частей на Добровольческий фронт Кавказскую армию, отбросить ее к югу.

Лишь после того, как остатки Кавказской армии отошли к Царицыну и, окончательно обескровленные, потеряли всякую возможность начать новую наступательную операцию, — красное командование, сосредоточив силы для прикрытия Москвы, начало операции против Добровольческой армии, растянувшейся к этому времени на огромном фронте при полном отсутствии резервов, и, обрушившись на нее, заставило ее покатиться назад.

Несмотря на расстройство транспорта и прочие затруднения, принцип сосредоточения сил проводился красным командованием полностью.

Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного нами пространства; на всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления. И теперь армии, катящейся назад, не за что уцепиться. Бесперывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличивалось еще и допущенной командующим армией мерой «самоснабжения» войск. Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами, используя их попечением самих частей и обращая в свою пользу захватываемую военную добычу.

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию. Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все, что не могло быть использовано на месте — отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров — некото-

рые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках: по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов.

В руках всех тех, кто, так или иначе соприкасался с делом «снабжения», — а с этим делом соприкасались все, до младшего офицера и взводного раздатчика включительно, — оказались бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство. К несчастью, пример подавали некоторые из старших начальников, гомерические кутежи и бросание бешеных денег которыми производилось на глазах у всей армии.

Неудовлетворительная постановка контрразведки и уголовно-розыскного дела, работавших вразброд, недостаточность денежных для них отпусков и неудачный подбор сотрудников, все это дало большевистским агитаторам возможность продолжать в тылу армии их разрушительную работу.

Необеспеченность железнодорожных служащих жалованьем привела к тому, что наиболее нужные служащие при приближении большевистского фронта бросали свои места и перебежали на сторону противника.

Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, страдавшее от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало вновь испытывать на себе ужасы грабежей, насилия и произвола.

В итоге — развал фронта и восстания в тылу.

Я застал штаб армии уже покинувшим Харьков и армию в полном отступлении.

Эвакуация велась хаотически, никакого плана не было. Ни одно учреждение не получило точных указаний о пути следования и месте назначения, все несло, куда глаза глядят. Станции оказались забитыми огромными составами разных частей, санитарные поезда неделями стояли неразгруженными. Раненые по три дня не получали пищи, и на станции Славянок, во время моего прибытия туда, раненый офицер повесился, не будучи в силах выдержать голода.

Огромное число беженцев, главным образом семей офицеров, забило все составы и станции. Никаких мер к эвакуации их принято не было, и все они в буквальном смысле голодали и замерзали...

На всем пути от Змиева до Изюма в тылу армии орудовали шайки местных жителей, портившие пути и нападавшие на наших раненых и обозы.

В боевом составе армии ко дню моего приезда числилось: в 1-м корпусе — около 2600 шт., в 5-м кав. корпусе — около 1015 сабель,

в Полтавской группе около 100 шт. и 200 сабель; в конной группе — около 3500 сабель, всего около 3600 штыков и 4700 сабель. Некоторые части были сведены: Кубанский корпус — в бригаду, Корниловские полки — в батальоны, два Марковских полка и Особая бригада сохранили лишь кадры и были отправлены в глубокий тыл. Дроздовская дивизия сведена в три роты. Войска отказываются от содействия танков, опасаясь потерять их; артиллерия почти вся выбыла из строя.

Силы противника по данным разведки состояли из 51 000 штыков, 7000 сабель и 205 орудий.

В тылу находилась, кроме того, на формировании и пополнении Алексеевская дивизия, насчитывающая не более 300 штыков.

Войска вследствие непрерывных переходов и распутицы переутомлены до крайности; лошади изнурены совершенно, и артиллерия и обозы сплошь и рядом бросаются, так как лошади падают по дороге.

Состояние конницы самое плачевное. Лошади, давно не кованые, все подбиты. Масса истощенных с набитыми холками. По свидетельству командиров корпусов и начальников дивизий боеспособность большинства частей совершенно утеряна.

Вот горькая правда. Армии как боевой силы нет. В настоящее время принят ряд мер для упорядочения тыла: довольствие армии взято в руки отдела снабжения, спешно создаются узлы сопротивления, объявлена мобилизация и делается все для спешного пополнения частей; однако все эти меры являются весьма запоздалыми, и, прежде, нежели армия будет воссоздана вновь, уйдет немало времени.

Противник это учитывает и бросает все, что может, для дальнейшего использования своего успеха.

Надо иметь мужество глянуть правде в глаза и быть готовым к новым испытаниям.

В предвидении их считаю необходимым:

1. ныне же принять определенный общий план действий, выбрав одно главное операционное направление, на которое и сосредоточить главную массу сил, не останавливаясь перед потерей некоторой части захваченного пространства;
2. ныне же принять меры к эвакуации в глубь страны тыловых учреждений и, в частности, разгрузить Ростов и Таганрог полностью;
3. немедленно подготовить в тылу страны укрепленные полосы и узлы сопротивления;
4. расформировать часть военных и гражданских учреждений, непомерно разросшихся и умножившихся, и все годное погнать на фронт;
5. обеспечить безопасность и материальное существование семей офицеров и служащих в казенных учреждениях. Офицер не может спо-

койно сражаться, зная, что его семья в опасности и голодает; необходимо немедленно озаботиться оборудованием колоний для семей офицеров и чиновников, где эти семьи были бы обеспечены квартирой и пайком, а в случае угрозы — могли бы быть уверены в своевременном вывозе в безопасное место;

6. немедленно принять ряд самых жестоких мер для борьбы с производом, грабежами и пьянством, разлагающим армию. Удалить, независимо от боевых заслуг, высших начальников, чье поведение создает постоянный соблазн для младших;

7. принять ряд мер к пополнению частей людьми и лошадьми. В частности, необходимо создание инспекции конницы, без чего нам не сохранить этого рода оружие. О необходимости создания инспекции конницы я докладывал тщетно неоднократно, — ныне это совершенно необходимо — противник напрягает все силы для создания крупных конных соединений, наша же конница, создаваемая и пополняемая без общего правильного руководства, скоро растает совершенно;

8. упорядочение постановки контрразведки и уголовного розыска, объединение их в пределах армии и главноначальствования в одних руках, и обеспечение дела соответствующими кредитами;

9. милитаризация железных дорог — подчинение начальников железных дорог Начвосу и обеспечение служащих на дорогах своевременной оплатой содержания и увеличение его до соответственных с дороговизной размеров.

В заключение считаю необходимым доложить, что, если предложенные мною мероприятия не будет признано необходимым полностью и безотлагательно осуществить, то, учитывая грозное положение на фронте, я не считаю возможным нести на себе ответственность командования Добровольческой армией.

Генерал-лейтенант Врангель.

Начальник штаба генерал-лейтенант Шатилов.

398. П. Н. ВРАНГЕЛЬ:

Командующий Добровольческой армией
Генерал-лейтенант Барон П. Н. Врангель.
Главнокомандующему Вооруженных Сил Юга России.

Рапорт

События развиваются с чрезвычайной быстротой и неблагоприятно сложившаяся для нас на фронте обстановка становится грозной. Наш фронт разрезан пополам и армии отходят двумя группами на ЮВ

и ЮЗ. Необходимо принять крупные решения. Со своей стороны полагаю необходимым:

1. правую группу армий постепенно отводить на линии р. Сал и Дон, сохранив плацдарм на правом берегу реки по линии устье р. Миуса — Новочеркасск. Спешно укреплять указанный фронт, объявив рабочую повинность населению. Одновременно готовить узлы сопротивления по линии р. Маныч и укреплять район Новороссийска;

2. левую группу армий отводить в Крым, спешно укрепляя подступы к нему;

3. Кавказскую, Донскую и Добровольческую армию, по отводе на означенную линию, свести в одну армию из 4-х корпусов (Добровольческий, 1-й Кубанский и два Донских) под Вашим непосредственным управлением. Все лишние штабы расформировать, направив чинов в строй;

4. из войск левой группы составить отдельный Крымский корпус;

5. немедленно объявить сполох на Дону, Кубани и Тереке, возложив руководство сбором пополнений на популярных генералов соответствующих войск;

6. готовясь всеми силами к продолжению борьбы, одновременно безотлагательно готовить все, дабы в случае неудачи не быть застигнутыми врасплох, выполнить лежащее на нас нравственное обязательство и сохранить кадры армии и часть технических средств, для чего ныне же войти в переговоры с союзниками о перевозке, в случае необходимости, армии в иностранные пределы, куда при первой же возможности начать эвакуацию матерей, жен и детей офицеров, отдающих Родине жизнь. Их спасение — вопрос нашей чести...

Генерал-лейтенант барон Врангель.

399. А. И. ДЕНИКИН:

Противник продолжает наступление, нанося основной удар в разрез между Добровольческой и Донской армиями. Имея в виду сокращение фронта армии и прикрытие наиболее важных районов, впредь до сосредоточения сил и перехода в наступление, приказываю:

1. Генералу Покровскому, начав теперь же планомерную эвакуацию Царицына, отходить за линию реки Сала (Торговое — Цимлянская) для прикрытия Ставропольского и Тихорецкого направлений.

Одну кубанскую конную дивизию выделить в мой резерв, направив ее в район станций Хомутовской, Ольгинской, Манычской;

2. Донской и Добровольческой армиям прикрыть Ростовское и Новочеркасское направления;

а) генералу Сидорину, поддерживая правым своим крылом связь с Кавказской армией и задерживаясь на удобных оборонительных

рубежах, постепенно отойти на линию Цимлянская — Усть-Белокалитвенская — Каменская — Ровеньки;

б) генералу Врангелю, продолжая отход на намеченную линию (Ровеньки — Дьяково — Матвеев Курган — Лиман-Миусский), сосредоточить главные силы к своему правому крылу.

Возможно дольше удерживать хотя бы бронепоездами с десантами ж. д. узлы: Чистякове, Криничная, Доля;

в) начальнику инженерных снабжений принять все меры к наискорейшему укреплению Ростовско-Новочеркасского плацдарма, линии реки Тузлов и Донской Чулек.

На этой позиции в случае надобности будет дан решительный отпор противнику.

3. Генералу Шиллингу продолжать выполнение прежней задачи, поставив главной целью прикрытие и оборону Крыма и Северной Таврии;

4. Генералам Тяжельникову и Эрдели выполнять прежние задачи.

5. Разграничительные линии между Кавказской и Донской армиями — р. Дон от ст. Трехостровитянская до ст. Романовской и далее — слобода Мартыновка — ст. Батлаевская — Каменный мост (все пункты для Кавказской армии).

Остальные разграничительные линии — прежние.

6. О получении донесите.

400. А. И. ДЕНИКИН:

...Беспристрастная история оценит беззаветный труд этого храбрейшего воина, рыцаря долга и чести и беспредельно любящего Родину солдата и гражданина. История заклеит презрением тех, кто по своекорыстным побуждениям ткал паутину гнусной клеветы вокруг честного и чистого имени его.

Дай Бог Вам сил, дорогой Иван Павлович, чтобы при более здоровой обстановке продолжать тяжкий труд государственного строительства.

401. А. М. ДРАГОМИРОВ:

Военный Совет признал невозможным решить вопрос о преемнике Главкома, считая это прецедентом выборного начала, и постановил просить Вас единолично указать такового. При обсуждении Добровольческий корпус и кубанцы заявили, что только Вас желают иметь своим начальником и от указания о преемнике отказываются. Донцы отказались давать какие-либо указания о преемнике, считают

свое представительство слишком малочисленным, не соответствующим боевому составу, который они определяют в 4 дивизии. Генерал Слащов отказался давать мнение за весь свой корпус, от которого могли прибыть только три представителя, и вечером просил разрешения отбыть на позиции, что ему и было разрешено. Только представители флота указали преемником генерала Врангеля. Несмотря на мои категорические заявления, что ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами Главного командования, ибо только на Вас полагаются и без Вас опасаются за распад Армии, все желали бы Вашего немедленного прибытия сюда для личного председательствования в Совете, но меньшего состава. В воскресенье, в полдень, назначил продолжение заседания, к каковому прошу Вашего ответа для доклада Военсовету. Драгомиров

402. А. М. ДРАГОМИРОВ:

Высшие начальники до командиров корпусов включительно единогласно остановились на кандидатуре генерала Врангеля. Во избежание трений в Общем Собрании означенные начальники просят Вас приехать ко времени открытия общего собрания, к 18 часам, Ваш приказ о назначении, без ссылки на избрание Военным Советом.

403. А. И. ДЕНИКИН:

§ 1

Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

§ 2

Всем шедшим честно со мною в тяжелой борьбе, — низкий поклон. Господи, дай победу Армии и спаси Россию.

Генерал Деникин

404. Приказ армиям Южного фронта РСФСР № 19 Курск, 10 янв. 1920 г.:

Основная задача, данная войскам Южного фронта, — разгром Добровольческой армии противника, овладение Донецким бассейном и главным очагом южной контрреволюции, Ростовом, — выполнена.

Наступая зимой по глубокому снегу и в непогоду, перенося лишения, доблестные войска фронта в два с половиной месяца прошли с упорными боями от линии Орла до берегов Азовского моря свыше семисот верст. Добровольческая армия противника, подкреплённая конницей Мамонтова, Шкуро, Улагая, разбита, и остатки ее бегут по разным направлениям. Армиями фронта захвачено свыше сорока тысяч пленных, семьсот пятьдесят орудий, тысяча сто тридцать пулеметов, двадцать три бронепоезда, одиннадцать танков, четыреста паровозов, двадцать тысяч двести вагонов и огромное количество всякого рода военного имущества. Реввоенсовет Южного фронта, гордясь сознанием боевого могущества и силы красных армий Южного фронта, шлет всем доблестным героям красноармейцам, командирам, комиссарам свой братский привет и поздравляет с блестящей победой над самым злейшим врагом рабочих и крестьян — армией царских генералов и помещиков. Да здравствует непобедимая Красная армия!

Командюж
Наштаюж
Член РВС Южфронта

*Егоров
Петин
И. Сталин*

405. М. ГРЕЙ:

Антон Асе 31 октября 1919 года

«...Положение нелегкое и на внешнем и на внутреннем фронте — мы «выдыхаемся» несомненно...».

12 января 1920 года.

«Удары судьбы довольно жестоко хлещут в последнее время, но не ломают духа. Выезжать надо сейчас, чтобы не застрять в Екатеринодаре. Но из Новороссийска — только в случае надобности. Буду бороться до конца».

25 февраля 1920 года.

«Моя родная! Плоховато на боевом и на внутреннем фронте. Говоришь, потеряли равновесие? Не думаю. А тяжело — это несомненно. Общее настроение:

1) Добровольцы отходят. Донцы дерутся, но, не видя подкрепления, нервничают. Кубанцы изображают солдат из оперетты: «Мы идем! Мы наступаем!» — и никуда не идут.

2) Казачьи атаманы играют на руку большевикам, подтачивают и подрывают фронт по-прежнему. На что надеются, неизвестно.

- 3) Кубанство сидит между двух стульев.
- 4) Офицерство бродит.
- 5) Вообще атмосфера напряженная. Возможны всякие неожиданности. Возможен даже отход...

17 марта 1920 года.

«Родная моя! Такое нагромождение событий, переживаний, впечатлений, что трудно еще в них разобраться...»

...Какие перспективы? Я сказал старшим начальникам: в Крыму у нас такое огромное количество войск, что отстоять его ничего не стоит, если подымете дух. И, во всяком случае, только армия, которая сохранит дисциплину и порядок, сможет рассчитывать, в случае невозможности борьбы, на эвакуацию из страны. Ибо развалившейся никто не возьмет. Если развалимся, то... пожрем друг друга.

Все возможно. Пойдет работа. Бог даст выправится.

...Врангель стал крайне враждебен по отношению ко мне. Имей в виду.

...Освободил от должности Ивана Павловича Романовского. Полное одиночество. Как тяжело. Злоба против него стала истеричной. Хотели его убить: как слепы и подлы люди! Душа моя скорбит. Вокруг идет борьба. Странные люди — борются за власть! За власть, которая тяжким, мучительным ярмом легла на мою голову, приковала, как раба к тачке — с непосильной кладью... Тяжко. Жду, когда все устроится на местах, чтобы сделать то, о чем говорил Тебе. Бедное мое, несчастное дитяtko, сколько горя пришлось на Твою долю... Потерпи немножко, Бог даст устроится. Желанная моя...»

В конце марта 1920 года белые, всего лишь шесть месяцев тому назад владевшие половиной территории России, сохранили в своих руках только Крымский полуостров.

406. Д. В. ЛЕХОВИЧ:

Новороссийск (единственный порт на восточном побережье Черного моря, откуда могли эвакуироваться семьи офицеров, больные, раненые, беженцы) превратился в осиное гнездо. Он кишел болтавшими без дела офицерами. Некоторые из них, только что оправившись от ранений или тифа, не по своей вине потеряли связь со своими частями. Но большинство, сознательно уклоняясь от отправки на фронт, в буквальном смысле «ждали у моря погоды», чтобы с помощью англичан перебраться за границу, подальше от быстро надвигавшейся катастрофы. Разочарованные и озлобленные, они открыто поносили

главное командование... А тем временем войска неудержимо стремились к Новороссийску. И опасаясь, что отступающие донские части, утратившие боеспособность и послушание, возьмут Новороссийск и захватят все плавучие средства, подготовленные для эвакуации в Крым, Кутепов послал свою телеграмму Главнокомандующему.

«События последних дней на фронте, — писал Кутепов, — с достаточной ясностью указывают, что на длительное сопротивление казачьих частей рассчитывать нельзя... Изложенная обстановка повелительно требует принятия немедленных и решительных мер для сохранения и спасения офицерских кадров Добровольческого корпуса и добровольцев. Для того чтобы в случае неудачи спасти корпус и всех бойцов... от окончательного истребления и распыления, необходимо немедленное принятие следующих мер, с полной гарантией на то, что меры эти будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время».

И в своей телеграмме генерал Кутепов перечислил десять требований, из которых шесть, приведенных ниже, с особой силой ударили по самолюбию Главнокомандующего:

«Немедленно приступить к самому интенсивному вывозу раненых и действительно больных офицеров и добровольцев за границу. Сейчас же и, во всяком случае, не позже того времени, когда Добровольческий корпус отойдет в район станции Крымской, подготовить три или четыре транспорта, сосредоточенных в Новороссийске, конвоируемых наличными четырьмя миноносцами и подводными лодками, которые должны прикрыть посадку всего Добровольческого корпуса и офицеров других армий, пожелавших присоединиться к нему. Вместимость транспортов не менее десяти тысяч человек с возможно большим запасом продовольствия и огнеприпасов.

Все учреждения Ставки и правительственные учреждения должны быть посажены на транспорты одновременно с последней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса и отнюдь не раньше.

Теперь же должна быть передана в исключительное ведение Добровольческого корпуса железная дорога Тимашевская — Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно. Никто другой на этой линии распоряжаться не должен.

С подходом Корпуса в район станции Крымская вся власть в тылу и на фронте, порядок посадки, все плавучие средства и весь флот должны быть объединены в руках командира Корпуса, от которого исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия в отношении всех лиц и всякого рода военного, казенного, частного имущества и всех средств, находящихся в районе Крымская — Новороссийск.

Докладывая о вышеизложенном Вашему Превосходительству, я в полном сознании своей ответственности за жизнь и судьбу чинов вверенного мне корпуса..., прошу срочного ответа для внесения в войска успокоения и для принятия тех мер, которые обеспечат сохранение от распада борцов за Родину».

Деникин хорошо знал Кутепова с самого начала Белого движения и ценил его. По складу своего характера Кутепов, более чем другие соратники, схож был с Деникиным: та же боевая храбрость, то же гражданское мужество, то же прямолинейное высказывание мысли и то же отсутствие малейшей склонности к интригам. Кроме того, Деникин знал и не сомневался в том, что Кутепов искренно любил его. И вдруг такие требования?..

«Вот и конец!» — подумал он.

«Те настроения, — писал Антон Иванович, — которые сделали психологически возможным такое обращение Добровольцев к своему Главнокомандующему, предопределили ход событий: в этот день я решил бесповоротно оставить свой пост. Я не мог этого сделать тотчас же, чтобы не вызвать осложнений на фронте, и без того переживавшем критические дни. Предполагал уйти, испив до дна горькую чашу новороссийской эвакуации, устроив армию в Крыму и закрепив Крымский фронт. Командиру корпуса я ответил:

«Генералу Кутепову.

Вполне понимая Вашу тревогу и беспокойство за участь офицеров и добровольцев, прошу помнить, что мне судьба их не менее дорога, чем Вам, и что, охотно принимая советы своих соратников, я требую при этом соблюдения правильных взаимоотношений подчиненного к начальнику. В основание текущей операции я принимаю возможную активность правого крыла Донской армии. Если придется отойти за Кубань, то в случае сохранения боеспособности казачьими частями будем удерживать фронт на [реке] Кубани, что легко, возможно и весьма важно. Если же казачий фронт рассыплется, Добровольческий корпус пойдет на Новороссийск. Во всех случаях, нужен выигрыш времени. Отвечаю по пунктам:

Вывоз раненых и больных идет в зависимости от средств наших и даваемых союзниками. Ускоряю, сколько возможно.

Семейства вывозятся, задержка только от их нежеланий и колебаний.

Транспорты готовят.

Правительственные учреждения и Ставка поедут тогда, когда я сочту это нужным. Ставку никто не имеет оснований упрекать в этом отношении. Добровольцы должны бы верить, что Главнокомандующий уйдет последним, если не погибнет ранее.

Железная дорога Тимашевка — Новороссийск Вам передана быть не может, так как она обслуживает и Донскую армию. Это возможно лишь при тех исключительных условиях, о которых говорил во вступлении.

Вся власть принадлежит Главнокомандующему, который даст такие права командиру Добровольческого корпуса, которые сочтет нужными».

...Все надежды и планы Главнокомандующего рухнули. Задуманная им операция, легко осуществимая и сулившая переброску артиллерии и конницы в Крым, провалилась. В его частях угас воинский дух, и начиналось самое худшее: паника. Психология массы сметала расчеты стратегии, и руководство армией было окончательно утеряно.

То, что осталось от войск генерала Деникина, неудержимо хлынуло к Новороссийску. И там, в порту, катастрофа становилась неизбежной.

Чтобы дать возможность многим судам (отправленным в иностранные порты с ранеными, больными и беженцами) вернуться для эвакуации войск, требовалось во что бы то ни стало удержать Новороссийск еще на несколько дней. Оборонять его было нетрудно. С севера и востока город охватывали крутые и высокие горы. С юга он мог быть защищен морской артиллерией. Но психологическое состояние войск исключало возможность обороны. При таких условиях планомерная эвакуация была немыслима...Через три дня после оставления Новороссийска в письме, пересланном жене из Крыма в Константинополь с оказией через британского адмирала Сеймура, Антон Иванович писал: «...Сердцу бесконечно больно: брошены громадные запасы, вся артиллерия, весь конский состав, армия обескровлена...»

...Ошибка красных заключалась в переоценке степени разложения белых войск. Они никак не ожидали, что, потеряв всю свою материальную часть и всю конницу, белые смогут в скором времени оправиться от поражения, прорваться из Крыма в Северную Таврию и, разбив там в июне месяце советскую кавалерию и пополнив за ее счет свой конский состав, снова образовать мощный кавалерийский кулак. Но эта фаза борьбы явилась уже новой страницей гражданской войны, в которой генерал Деникин не принимал участия...

407. Г. М. ИПОЛИТОВ:

Готовясь к осенне-зимним операциям 1919 года против советского Южного фронта (147 тыс. штыков и 25,3 тыс. сабель), Деникин принял меры для совершенствования организационно-штатной структуры ВСЮР. Главком мог противопоставить красным 107 395 штыков

и 45 667 сабель. Успешно развернутое летнее наступление, казалось, должно неминуемо привести к победе. Однако уже в июле отлаженная военная машина, искусно запущенная Деникиным, стала давать заметные сбои. В действие вступили долговременные факторы, объективные обстоятельства, отягощенные существенным рядом субъективных условий. У красных были огромные резервы: численность Вооруженных Сил Республики Советов к осени 1919 года была доведена до 2,5 млн человек. Численность же боевых сил белых армий, причем, не объединенных, на территории бывшей Российской империи составляла всего лишь 240 742 штыков и 68 968 сабель. Причем, красные могли свободно маневрировать силами и средствами, перебрасывая их с одного фронта на другой. Улучшался и качественный состав пополнения.

...Белые ниточкой растянулись на обширном фронте. Резервов не было, войска измотаны, боевая слаженность их — не выдерживает критики, сплошные проблемы со снабжением. Это притом, что тыловые склады ломаются от поставленной союзниками амуниции, но в тылу воруют! Прямо какая-то оргия казнокрадства. «Кому война, кому мать родна...»

...Генерал Деникин, учитывая расстановку сил и средств, развернул ожесточенные встречные сражения на пространстве между Днепром, Доном и Азовским морем. В результате, в более чем тридцатидневных сражениях и боях ВСЮР потерпели серьезное поражение. Была утрачена территория общей площадью до 50 тыс. кв. км, ряд крупных городов, в том числе *Чернигов, Орел, Курск, Воронеж*. Красные взяли в плен до 7700 солдат, офицеров, захватили 260 пулеметов, 41 орудие, 16 бронепоездов, огромное количество военного снаряжения. Красная армия захватила стратегическую инициативу и прочно удерживала ее. Положение белых критическое.

...Наступление красных привело к тому, что с занятием Ростова в январе 1920 года началась катастрофа ВСЮР. Красные продвинулись на главных направлениях на 400–500 км. Были освобождены районы площадью 543 тыс. кв. км с населением 27,7 млн человек — важнейшие для жизненного обеспечения Советской России. Белые потеряли пленными 61 тыс. человек, 2 160 пулеметов, 1 622 орудия, 19 танков, 27 бронепоездов, 20 самолетов, большое количество боеприпасов и всякого рода оружия. Положение Деникина могло стать еще более сложным, если бы не помогли... красные части, взявшие Ростов. Среди них началось повальное двенадцатидневное пьянство и бесчинство по отношению к местному населению. Разложение особенно коснулось конницы Буденного, на что Троцкому с тревогой указывал Ленин.

Генерал Деникин, однако, не теряет веры в успех. В беседе с корреспондентом английской газеты «Таймс» заявляет, что неудачи временные, что он ни на какие мирные переговоры не пойдет, будет сражаться до конца. Подобный оптимизм, однако, не имеет под собой материальной почвы: стратегическое положение в тот момент было далеко не в пользу Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Красные имели четырехкратное преимущество в штыках и совсем незначительно уступали деникинцам в саблях. Войска Южного фронта овладели главным оружием противника — высокой маневренностью частей и соединений. Моральный дух красных был значительно выше. Несмотря на все эксцессы, как в Ростове.

...Аналитический ум генерала Деникина оказался в вакууме. Оторванный от реальных социально-политических событий в стране, он не осознал всю глубину внутренних процессов. *Народ повернул в сторону Советов*, а Красная Армия, обретая новые опоры и опыт оказалась на несколько порядков выше во всех отношениях. Усилия генерала переломить ход боевых действий в свою пользу оказались тщетными. 4 марта 1920 года он был вынужден отдать директиву об отводе войск за реки Кубань и Лабу и уничтожении переправ. *Начался последний этап трагедии А. И. Деникина как военачальника.*

... И вот последний оплот «Белого дела» — маленький Крымский полуостров, где сосредоточилось все, что осталось от ВСЮР. Деникин непосредственно стал командовать армией, которая была сведена в три корпуса (Донской, Добровольческий, Крымский), сводную кавалерийскую дивизию, сводную Кубанскую бригаду. Всего: 35–40 тыс. бойцов, 100 орудий, до 50 пулеметов. Крымский корпус (5 тыс. чел.) по-прежнему перекрывал перешеек. Главком поставил армии ближайшую задачу — оборона Крыма. Деникина все более одолевала моральная и физическая усталость. Нервозность, потеря веры в дух войск, растерявших свои лучшие качества, смутная внутренняя и внешнеполитическая обстановка, приводят его к крупным стратегическим и оперативно-тактическим просчетам...

Победные марши стихли быстро. В скором будущем Антону Ивановичу предстоит выпить до дна горькую чашу побежденного...

408. Н. Е. КАКУРИН:

Намерение советского командования отделить Добровольческую армию от казачьих областей совпало... с тайными намерениями Врангеля... Ликвидировав интриги Врангеля, генерал Деникин круто

изменил направление отхода Добровольческой армии, свернув опасным фланговым маршем ее главные силы на Ростов. Для прикрытия крымского направления была оставлена только группа Слащева в составе двух слабых дивизий и нескольких полков, всего около 2200 штыков, 1200 сабель при 32 орудиях... Энергичное преследование советских войск и угрожающее падение боеспособности остатков армий «вооруженных сил Юга России» делали крайне сомнительными надежды командования противника на возможность удержаться за р. Кубань... когда в ночь с 26 на 27 марта¹ советские войска заняли Новороссийск, в их руки попало около 22 тыс. пленных... Остатки «вооруженных сил Юга России» после катастрофической эвакуации Новороссийска устремились в Крым, где их главное командование полагало возможным отсидеться и устроиться, пользуясь сильными оборонительными свойствами перешейков, бывших в руках группы Слащева. Но сильная агитация среди высшего командного состава против генерала Деникина, а главное, отказ Англии от дальнейшей поддержки русских противосоветских армий побудили генерала Деникина выйти из числа активных участников гражданской войны. Он сдал командование предварительно им самим изгнанному в Константинополь генералу Врангелю и сам уехал в Англию.

409. А. И. ЕГОРОВ:

...Деникин, окончательно растерявшийся под влиянием событий на фронте и в тылу, хватается за всякую видимую возможность спасения. В данный момент он почувствовал, что командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский не на месте. Последний в самом деле мало отвечал своему назначению, ибо, несмотря на ряд выдающихся боевых качеств, он был безнадежным алкоголиком и предавался непрерывным кутежам. Об этом Деникин не мог не знать и раньше, но пока армия имела успех, он молчал и предоставлял все естественному течению. Теперь же, в первой половине декабря, во главе Добровольческой армии был поставлен генерал Врангель.

...В октябре 1919 г. белые, как мы указывали, имели в Добровольческой армии свыше 27 000 бойцов, около 300 орудий и свыше 1000 пулеметов. В январе 1920 г. та же армия, сведенная распоряжением Деникина в корпус, насчитывала не более 8000 бойцов при 50 орудиях и 200 пулеметах, причем и эти оставшиеся бойцы были в сильнейшей степени разложены и не представляли собой сколько-нибудь боеспособной силы. Такой результат стратегического

преследования объясняется прежде всего, тем, что добровольцы отступали не на свою базу, каковой в действительности не имелось вовсе, и с каждым шагом отхода они все более и более теряли лицо реальной боевой силы. Условия времени года, страшная эпидемия тифа (уже к 1 декабря в лечебных заведениях военно-санитарного ведомства Юга России состояло 42 733 раненых и больных) и наличие крупнейших повстанческих движений в том тылу, куда отступали белые, дополняли ту цепь оперативных неудач, которые привели белую армию в столь плачевное состояние.

...Деникин так распределил свои силы и давал им такие задачи, что дальше Москвы продолжать борьбу для них едва ли представилось бы возможным. Белые имели бы несравненно больше шансов на успех, если бы, воспользовавшись временным ослаблением красных армий весной 1919 г. и враждебным отношением к советской власти значительной части казачества в занятой красными войсками территории Донской области, они попытались действительно разбить наши войска, а не только преследовать их, давая им уходить от ударов и ослабляя свои собственные силы с каждым шагом продвижения вперед.

410. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков):

Центральный комитет партии принял план тов. Сталина. Во второй половине октября 1919 года, после ожесточенного сопротивления, Деникин был разбит Красной армией в решающих боях под Орлом и у Воронежа. Деникин начал быстро отступать, а затем покатился к Югу, преследуемый нашими войсками. В начале 1920 года вся Украина и Северный Кавказ были освобождены от белых.

411. История гражданской войны в СССР:

...В Новороссийске среди белогвардейских частей 26 марта вспыхнула невероятная паника. Повозки, автомобили, танки, ожидавшие на пристанях очереди для погрузки на корабли, смешались в бесформенную массу... Обезумевшие от страха деникинские офицеры потеряли всякую власть над солдатами...

...Красная Армия, опираясь на безграничную поддержку широких масс трудящихся, разгромила белогвардейские армии Деникина — главную ударную силу второго объединенного похода Антанты.

412. К. В. АГУРЕЕВ:

В разгроме войск Деникина принимали участие 37 стрелковых и девять кавалерийских дивизии, шесть кавалерийских и две сводные бригады, объединенные в семь общевойсковых и одну конную армии Южного и Юго-Восточного фронтов...

Контрнаступление советских войск в октябре-ноябре 1919 года было одним из решающих этапов в осуществлении стратегического плана разгрома армий Деникина. За время контрнаступления советские войска продвинулись на юг на 165 км (по прямой), очистив от белогвардейцев территорию, равную 500 000 кв. км...

В результате контрнаступления инициатива, которая с мая 1919 года находилась в руках войск Деникина, перешла в руки советских войск.

...Таким образом, попытки Деникина разгромить основные силы Южного фронта и остановить наступление потерпели полный крах...

Войска Южного фронта быстрыми продвижениями на юг срывали все мероприятия белого командования...

...Неотступное и быстрое преследование не дало возможности генералу Деникину полностью эвакуировать свои войска в Крым.

413. Гражданская война в СССР:

К 11 октября 1919 г. фронт на юге страны представлял собой гигантскую дугу протяжением около 1800 км. Вершина ее была обращена в сторону Москвы, а концы упирались в устье Волги и Днепра. На этом огромном фронте белогвардейское командование сосредоточило почти все свои силы. Анализ состава, группировки и состояния белогвардейских армий показывает, что операция не была продумана командованием противника до конца, так как политико-моральное состояние и количественная сторона белогвардейских войск находились в явном противоречии с задачами и целями, которые на них возлагались. Обострившиеся классовые противоречия все более сказывались на боеспособности врага. В наступлении противника назревал кризис, и его признаки были искусно использованы советским командованием.

...8 декабря 1919 г. Деникин направил Пилсудскому письмо с просьбой о переходе в наступление против правого крыла Южного фронта для содействия Добровольческой армии. Однако благодаря усилиям, предпринятым советской дипломатией, этот замысел был сорван.

И только в январе 1920 г. белополяки начали активные боевые действия против 12-й армии, но было уже поздно: участь деникинцев к этому времени на Украине была решена.

...Все попытки белогвардейцев удержать Одессу... были обречены на провал. Наступление советских войск было настолько неожиданным, что противник не успел даже эвакуироваться. В плен попало до 3,2 тыс. солдат и офицеров и было захвачено более 100 орудий, 4 бронепоезда, 4 броневедомокола, несколько сот тысяч снарядов и патронов. Разгром группировки противника в районе Одессы позволил высвободить часть сил для усиления других участков фронта... В результате к середине февраля вся Правобережная Украина была освобождена от противника. Это позволило командованию фронта сосредоточить основное внимание на прорыве обороны на крымских перешейках... Несмотря на мужество и героизм советских войск, Крымская наступательная операция успеха не имела... К концу марта советские войска полностью освободили Правобережную Украину и Северную Таврию, ликвидировали почти все военно-морские базы белогвардейцев и интервентов на Черном и Азовском морях. С января по март войска Юго-Западного фронта взяли в плен 19 318 солдат и офицеров противника, захватили около 75 тыс. винтовок, 796 пулеметов, 454 орудия, 28 бронепоездов, 13 броневедомоколов, 15 самолетов, более 5,5 млн патронов, большое количество военного имущества и снаряжения.

414. Ю. А. ПОЛЯКОВ:

Белогвардейские войска на дальних подступах к Москве потерпели поражение, покатались к югу, быстрее, чем наступали. О главнокомандующем ВСЮР в красной Москве иронически говорили: «Смотрел Деникин волком, а завертелся волчком»... После падения Ростова, после отчаянных попыток задержаться на донском рубеже события развивались для белых более драматично. Разбитые войска отступали к Черному морю, к Новороссийску, где надеялись погрузиться на пароходы для эвакуации. Но «армии катились от Кубани к Новороссийску слишком быстро, а на рейде стояло мало судов»... Солдатам, офицерам, оказавшимся в Крыму, придется еще несколько месяцев — до ноября — вести кровавую, ставшую окончательно бессмысленной борьбу. Самому же Деникину оставалось быть у кормила несколько дней... Логика поражения неумолима. Кто-то должен был нести ответственность за случившееся. И эта беспощадная логика подводила к тому, что человеком, на плечи которого ложится вся тяжесть ответственности, должен стать главнокомандующий...

415. Г. М. ИПОЛИТОВ:

Наступление красных, начатое 19 декабря 1919 г., привело к тому, что с занятием Ростова в январе 1920 г. началась катастрофа ВСЮР... Именно в этот момент, жестокость с обеих сторон достигла кульминационной точки. И красные, и белые расширяют практику института заложников. Как явствует из донесений разведки красных, Главком ВСЮР распорядился о взятии в качестве заложника в Одессе дяди Л. Д. Троцкого. Л. Д. Троцкий же устанавливает премии за каждого убитого казака... Неожиданную помощь получили красные и от меньшевистской Грузии.

«16 января 1920 года без всякого повода с русской стороны, — телеграфировал Главком ВСЮР по своим войскам, — грузины совместно с зеленоармейцами перешли в наступление в направлении Сочи. Наступление является действенной помощью большевикам».

Оказала помощь большевикам и Румыния. Оборонявшие Одессу войска Бредова¹ пытались прорваться в Румынию, но были встречены огнем румынских пулеметов, несмотря на то, что 20 января 1920 г. генерал дал телеграмму начальнику Румынской военной миссии с просьбой походатайствовать о пропуске через их территорию его войск. Румынское правительство его не поддержало. Части Бредова были интернированы на территорию, подконтрольную Польше, разоружены и помещены в концлагеря.

Автор монографии, проанализировав действия Главкома в начале катастрофы ВСЮР, установил, что кроме личного оптимизма, он претворял в жизнь конкретные мероприятия, чтобы переломить ситуацию в свою пользу: предписал прекратить все отношения с Грузией и безотлагательно выслать её официальных представителей с территории ВСЮР. Приказал Черноморскому флоту выйти к берегам Грузии и начать боевые действия; всем органам военной и гражданской власти был отдан приказ: «Беспощадно карать, сеящих смуту, бесполезным, жалким, малодушным людям, по крайней мере, молчать, чтобы не мешать работе честных и сильных духом»; провел насильственную мобилизацию лиц до 35 лет; потребовал от атамана ВВД расчистить тыл и повести борьбу с паникерами и клеветниками. При этом такой приказ Главкома не должен был расцениваться как вмешательство во внутренние дела Дона; огромные усилия прилагал он для подъема морального духа войск. Генерал довел до всего личного состава, что на армию, в связи с военными неудачами, льется поток лжи и клеветы,

зловещих слухов. Он классифицировал все происходящее на фронте как «только тяжелый эпизод», который можно преодолеть. Для этого от армии потребуется напряжение сил и самочувствия, которое одухотворяло её в самые тяжелые времена кубанских походов. Однако Главкома постигла неудача.

4 марта 1920 г. он был вынужден отдать директиву об отводе войск за реки Кубань и Лабу и уничтожении всех переправ. *Начался последний этап трагедии А. И. Деникина как военачальника.* 17 марта 1920 г. красные заняли Екатеринодар. Безуспешными оказались попытки Главкома не допустить форсирования советскими войсками реки Кубань. Кубанские части были окончательно разложены, попали под влияние большевистской пропаганды. По оценке генерала, с ними терялась связь не только оперативная, но и политическая... Кульминацией падения дисциплины можно считать то, что Добровольческий корпус, две Донских и присоединившаяся к ним Кубанская дивизии без директивы Главкома, под легким напором противника 11 марта 1920 г. самовольно оставили занимаемые позиции и направились сплошной массой на Новороссийск. Конец был неизбежен и неотвратим.

А. И. Деникина все больше одолевает моральная и физическая усталость. В этот период он не принял, как раньше, ни одного неординарного решения. Нервозность, потеря веры в дух войск, теряющих все более свои лучшие военно-профессиональные и морально-психологические качества, усугубляемые сложной внутренней и внешнеполитической обстановкой, приводят его к крупным стратегическим и оперативно-тактическим просчетам.

416. Г. М. ИПОЛИТОВ:

...Он¹ искренне верил в победу, пытался поднять моральный дух войск. Но генерал не мог учесть всего драматизма ситуации и того, что она в корне отличается от ситуации I и II Кубанских походов, в первую очередь, контингентом войск, находящихся в его подчинении. А противостоящая группировка красных была на несколько порядков выше, во всех отношениях, Красной Армии образца 1918 года. Серьезный удар по морально-психологическому состоянию войск нанесло и брожение среди донцов, обусловленное нежеланием уходить с родных мест в Крым. Смута в умах донцов охватила и офицерство. Брожение коснулось даже генералитета. Командующий Донармией ген. В. И. Сидорин под давлением генералитета начал склоняться к уходу на Север

и переходу к партизанской войне. А. И. Деникин, понимая, что это — гибель армии, отверг такое предложение. Местнические тенденции в ВСЮР не были секретом для советского руководства. Л. Д. Троцкий писал, что у большевиков «развитие борьбы дает сплочение, запал, а у Деникина — разложение и распад».

Но самый серьезный удар по морально-психологическому состоянию ВСЮР нанесло то, что разложение коснулось даже элитных частей. В ГА РФ хранится письмо ген. Витковского² сербскому посланнику (написано еще до падения Екатеринодара), в котором тот просит принять его дивизию на службу сербскому правительству. Витковский пишет, что действует с повеления Главкома ВСЮР. На письме рукой А. И. Деникина написано: «Неправда». Все это стало для А. И. Деникина тяжелой моральной травмой. Появилась скованность в принятии решений. В итоге, его усилия переломить ход боевых действий в свою пользу оказались тщетны.

...Далеко не последнюю роль сыграла в его поражении и непоследовательная линия союзников в оказании помощи ВСЮР. И самое главное, что не смог признать А. И. Деникин: большевистское руководство в ходе гражданской войны смогло создать мощную Красную армию, превосходящую ВСЮР к 1920 г во всех отношениях.

417. А. Н. ТОЛСТОЙ:

В годовщину «ледового похода» Добрармия бежала на Новороссийск, устилая непролазные кубанские грязи брошенными обоями, экипажами с имуществом, завязшими пушками и конской падалью. Все было кончено. Антон Иванович Деникин, поседевший, ссутулившийся, отплыл на французском миноносце в эмиграцию — писать свои мемуары. Жалкие остатки добровольческих полков на транспортах переправлялись в Крым. Донское и кубанское казачество поняло, наконец, что его жестоко одурачили, и они своими безвестными могилами, от Воронежа до Новороссийска, — заплатили за свое упрямство.

418. М. А. ШОЛОХОВ:

...Утром 25 марта Григорий и Платон Рябчиков пошли на пристань узнать, грузятся ли части Второго Донского корпуса, так как накануне среди казаков распространился слух, будто генерал Деникин

отдал приказ: вывезти в Крым всех донцов, сохранивших вооружение и лошадей... Полковник, наблюдавший за погрузкой, проворно шел по сходам; следом за ним, спотыкаясь, спешил лысый чиновник в распахнутой дорожной шубе. Он умоляюще прижимал к груди котиковую шапку, что-то говорил, и на потном лице его и в близоруких глазах было такое просительное выражение, что полковник, ожесточась, отворачивался от него, грубо кричал:

— Я вам уже сказал раз! Не приставайте, иначе я прикажу свести вас на берег! Вы с ума сошли! Куда, к черту, мы возьмем ваше барахло? Вы что, ослепли? Не видите, что творится? А, да ну вас совсем! Да жалуйтесь, ради бога, хоть самому генералу Деникину! Сказал, не могу, — и не могу, вы русский язык понимаете?

...Богатырев метнул в его сторону озлобленный взгляд, со вздохом сказал!

— Просить будут все эти Деникины и другие б..., и то не поеду! Стоял в очереди, иззяб, как кобель на морозе, а все без толку. Отрезало как раз по мне. Двое впереди меня стояли, одного пропустили, а другого нет. Половина батареи осталась, ну что это такое, а?..

3.6. Политические баталии «царя Антона»

3.6.1. Единоличная военная диктатура

419. А. И. ДЕНИКИН:

На Юге России, на территории, освобождаемой Добровольческой армией, без какой-либо прокламации, самим ходом событий установилась диктатура, в лице главнокомандующего. Основную целью ее было свергнуть большевиков, восстановить основы государственности и социального мира, чтобы создать тем необходимые условия для строительства земли соборной волею народа. Жизнь стихийным напором выбивала нас из этого русла, требуя немедленного разрешения таких коренных государственных вопросов, как национальный, аграрный и другие, окончательное разрешение которых я считал выходящими за пределы нашей компетенции. Худо ли, хорошо ли и что целесообразнее — это вопрос другой, но диктатуре национальной, к осуществлению которой стремились на Юге, свойственны иные зада-